

МИДГАРД

ЯРОСЛАВ
ГЖЕНДОВИЧ

ВЛАДЫКА ЛЕДЯНОГО САДА:
В СЕРДЦЕ ТЬМЫ

Легендарные фантастические сериалы

Ярослав Гжендович

**Владыка Ледяного
сада. В сердце тьмы**

«АСТ»

2007

УДК 821.111
ББК 84(4Пол)

Гжендович Я.

Владыка Ледяного сада. В сердце тьмы / Я. Гжендович — «АСТ»,
2007 — (Легендарные фантастические сериалы)

ISBN 978-5-17-106005-3

В Земле Огня, разоренной армией безумца, нет пощады, нет милосердия, монстры с полотен Босха ходят среди людей, а мертвые не хотят умирать окончательно. Близится Война Богов, в которой смерть – еще не самая страшная участь, Вуко Драккайнен – землянин, разведчик, воин – понимает, что есть лишь единственный способ уцелеть в грядущем катаклизме: разгадать тайну Мидгарда. Только сначала ему надо выбраться из страшной непостижимой западни, и цена за свободу будет очень высокой. А на другом конце света принц уничтоженного государства пытается отомстить за собственную семью и народ. Странствуя по стране, охваченной религиозным неистовством, он еще не знает, что в поисках возмездия придет туда, где можно потерять куда больше того, чего уже лишился; туда, где гаснут последние лучи солнца. В самое сердце тьмы.

УДК 821.111
ББК 84(4Пол)

ISBN 978-5-17-106005-3

© Гжендович Я., 2007
© АСТ, 2007

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	22
Глава 3	44
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Ярослав Гжендович
Владыка Ледяного сада. В сердце тьмы

© 2007 by Jarosław J. Grzędowicz

© Сергей Легеза, 2017, перевод

© Михаил Емельянов, иллюстрация, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2018

Глава 1

Древо

*Знаю, висел я
в ветвях на ветру
девять долгих ночей,
пронзенный копьем,
посвященный Одину,
в жертву себе же,
на дереве том,
чьи корни сокрыты
в недрах неведомых.*

*Речи Высокого*¹

Знаешь, что такое ад? Ад – это два подернутых туманом хребта, что жмутся друг к другу, словно ягодицы. Это все те же рваные линии гор, затянутые голубоватой дымкой. Это видимые вдали два пятна леса, взбирающегося по склонам, пылая царскими красками осени. Это семьдесят три хвойных куста, скрученных, будто они вышли из-под рук мастера бонсай. Это рассыпанные окрест бело-серые глыбы меловых скал, синеватые, как порченное мясо. Это искрящиеся плевки снежных шапок на вершинах. Это чудненький, словно прямо с открытки, горный пейзажик, который становится для тебя всем. Неизменный, скучный и красивый. С открытки, вдруг получившей роль вселенной. Это заключенные в слоях дерева вечные гнев и ярость. Это пересохшее деревянное горло, которое не ведает крика. Это и есть ад.

Это вьющиеся, подобно червям, корни в каменистой горной земле, в отчаянном поиске хотя бы горсти питательного перегноя среди кислых и хрупких, как ногти трупа, плиток сланца. Это пахнущий липкой сладостью свет солнца.

Это торчащий в деревянных внутренностях узкий кованый наконечник. Это чужая мертвая ветка, пробивающая ствол, будто застывшая молния.

Это молитва о грозе. О внезапном приходе электрического освобождения, громе, пепле и огне.

Это и есть ад.

Быть деревом.

Страшно... страшно... страшно...

* * *

Он появляется внезапно, прямо из осеннего тумана. Выныривает из-за края, бледное лицо рассечено зигзагом татуировки, выпученные черные глаза поблескивают в беге узкими полосками белков. Засохшие брызги крови на щеках и лбу.

Он хватается за корень и обломок скалы, пытается взобраться выше, но что-то тянет его вниз. Он молод. Ему лет семнадцать, и он крайне, смертельно испуган. Уже не обращает внимания, что слезы ручьями текут по лицу, что изо рта вырывается скулеж. Его заботит лишь неведомая сила, что тянет вниз, в пропасть.

¹ Цитаты из «Старшей Эдды» даны в переводе А. И. Корсуна.

Причина банальна. Бурый плащ, застегнутый на плечах серебряной фибулой с мотивами танцующих змей, зацепился за корень. Но парень тонет в приливах паники. Может лишь бес- сильно дергаться, переть вперед, как запряженный конь. Секунды текут меж пальцев, ручейки крови из раны на лбу бегут по щекам.

Парень... По здешним стандартам, он уже давно взрослый. Он воин. Рожденный с убий- ственным железом в руках, качаемый в люльке под песни о героях, закаленный видениями собственной героической гибели. И все же теперь он плачет, сражается с плащом, зацепив- шимся за корень, поскольку вблизи все выглядит иначе, чем в песнях. Собственная смерть, увиденная в упор, кажется вонючей, обычной и болезненной. Не будет трогательно-прекрас- ной гибели, достойной песни. А более всего – невозможно принять, что уже все. Что теперь. Сейчас. Навсегда.

Стрела с ядовитым шипением втыкается в сланцевую глыбу рядом с ладонью парня. Слы- шен сдавленный короткий вскрик, молодой наконец находит сплетенных серебряных змеев, давящих его глотку, и дергает застежку. Плащ падает со спины, фибула летит в пропасть, отска- кивает от камня, а воин-подросток ползет на четвереньках по крутой тропке, цепляясь за кусты и скалы.

Они приближаются.

Слышны гортанные проклятия и частое дыхание. Слышен скрип толстых кож и звяканье стали.

Еще одна стрела вылетает из долины и порскает над самой головой беглеца, гудя, как рассерженный шершень.

Они приближаются.

Трое.

Они не носят красно-черные татуировки на руках и лицах, у них нет зачесанных к затылку, пропитанных дегтем косичек. Под очковыми наносниками шлемов и угловатыми нащечниками видны коротко подрезанные бороды.

Они кричат в его сторону, триумфально, хрипло. Изо ртов вылетает пар, клубится в ледя- ном воздухе осени. Один перегибается за обрыв и кричит кому-то внизу; эхо скачет горами. Они смеются, глядя, как парень ползет на четвереньках вперед, как пытается побежать, но спотыкается, падает и снова ползет.

Тот первый, большой словно гора, снимает шлем и осторожно кладет его на землю, потом расстегивает плащ, высвобождая новые клубы пара, поднимающиеся из-под ламеллярного пан- цира. Снова кричит, издевательски, задорно – и неторопливо вынимает меч. Слышен стальной протяжный скрежет железа, великан распрямляется и словно гимнаст шевелит плечами, в его спине что-то похрустывает.

Парень беспомощно хватается за пустые ножны у пояса – напоминание об утраченном оружии, но продолжает ползти вперед, слепой и глухой от ужаса.

На миг он поднимает взгляд и видит Ствол. Распахивает рот и глаза еще шире; на его лице выражение недоверия и крайнего ошеломления. Кажется, он нашел нечто, что искал давно. На несколько секунд забывает о настигающих его преследователях и ведет взглядом вдоль тол- стого Ствола, скрывающего человеческую фигуру с широко раскинутыми руками. Между Вет- вями виден нарост, похожий на голову с обезображенным болью лицом, а посредине Ствола торчит серебристое древко ясеневое копьа.

Длится это очень недолго.

Хриплый крик заставляет беглеца упасть на землю. Последние секунды жизни, вытекаю- щие, словно пиво из разбитого кувшина. Преследователи, расслабленные, но бурлящие адре- налином, снова ему кричат. Финал мучительной погони. Его уже поймали. Осталось всего пару шагов. Конец.

Сейчас его прикончат.

Резня у корней Древа.

Прикончат его, а потом сойдут в свои долины, к своим рекам и озерам. Разожгут огонь и напьются октябрьского пива, смеясь и хлопая друг друга по спинам. Запахнет жаркое, пение и хохот живых взлетит под потолок.

Принесут цепи, смазанные драконьим маслом, и станцуют свой танец огня. Нагие, размалеванные дикими узорами девушки с волосами, спрятанными под платки, станут крутиться в пламени, прыгать среди прирученного жара, обметать гибкие тела косицами огня.

А его уже не будет.

Никогда.

Он боится Древа, но меньше, чем вечного мрака, заклятого в стали преследователей. Вскakiвает на ноги, двумя прыжками оказывается у Ствола и отчаянно дергает ясеневое древко. Вросшее в ствол копьe неподвижно, как родная ветка.

Они окружают парня полукругом, смеются, покрикивают на него. Кто-то со вздохом садится на камень и отстегивает от пояса пузатую, обшитую тюленьей шкурой флягу. Другой выткает меч в землю и потягивается, массируя заболевшую поясницу.

Верзила движется на парня танцующим шагом, из-за его спины доносятся ироничные советы, вызывающие взрывы смеха.

Меч в пальцах великана танцует, клинок чертит круги и восьмерки, рукоять умело обращается в спокойной руке. Акробатика. Шутовство.

Воин двигает бедрами, его ноги выполняют боксерский танец, склоненное тело колыхается вместе с клинком – непросто поверить, что огромный мужчина может двигаться так легко и ловко. Он словно горная горилла. Большой, косматый и брутальный.

Короткий выпад, финт, уклонение, притворный удар в голову.

Парень заслоняется руками, втискивается спиной в Ствол, сползает по нему на землю. На его штанах вдруг расплзлось мокрое пятно.

Противник завершил танец с клинком, выставленным горизонтально, опирающимся в хребет второй ладони. Раскрывает руку, приглашающее машет лежащему: «Ну, подходи».

Беглец вьется, как змея, вокруг Ствола, ползает по мху и сохлому папоротнику, шаря ладонями, будто слепец. Что-нибудь. Хотя бы камень.

Огромный воин медленно приближается, вздыхает, качает с неудовольствием головой. Беспомощно разводит руками и бросает свой меч стоящим сзади, после чего дважды хлопает в ладоши, словно пытаясь разбудить противника, и снова приглашает его жестом, на этот раз – пустых рук: «Ну, подходи, меча уже нет».

Но – с тем же эффектом. Худой парень не желает бросаться с голыми кулаками на стокилограммовую гору жилистых мышц. Адреналин наполняет его ноги свинцом, страшная, смертельная усталость затапливает легкие, как бетоном.

Гигант разочарованно опускает руки и идет длинными шагами, чтобы ухватить парня за загривок и выволочь из кустов, словно котенка. Это перестает быть смешным.

Большая ладонь тянется и хватает за ворот черной куртки как раз в тот миг, когда отчаянно шарящие пальцы натываются среди мха, листьев и сухой горной травы на нечто продолговатое. Уплощенный цилиндр, обмотанный прекрасно прилегающей к руке плетеной тесемкой.

Рукоять универсального меча разведчика. *Синоби-кэн* фирмы Nordland Aeronautics.

После рывка за плечо парень подлетает вверх, разом встав на трясущиеся ноги. И тогда раздается шипение мономолекулярного клинка. А потом воздух прошивает блеск и в холодном осеннем воздухе раздается хруст разрубаемой плоти.

Гигант отпускает противника и медленно поворачивается к своим онемевшим, сидящим на камнях товарищам, показывая белое, меловое, неподвижное лицо, а потом из него вдруг бьет фонтан крови. Его грудь разделяется вдоль тонкой косой линии, открывая разъявленное, черно-красное нутро.

Мужчина делает слепой, неуверенный шаг в неизвестность и валится лицом вперед, как срубленное дерево.

Все немеют.

Сгорбившийся парень – выставив поблескивающий мономолекулярный клинок, по которому катятся и падают на землю капли крови, открывая сверкающую, чистую поверхность.

Воины сидят на камнях: один – замерев с наклоненной флягой в руке, вода льется ему на сапоги, второй – в испуге закусив кулак.

На ноги они вскакивают одновременно. Блеск стали, звон клинков и быстрое, размазанное движение.

Крик.

Резкий, внезапный крик боли. Один из нападающих вдруг переламывается пополам, хватаясь за горло. Между его пальцами брызгает ручеек светлой, пульсирующей крови. Второй отскакивает, со страхом и недоверием глядя на обрубок меча в руке. Не может поверить, что панический, неловкий блок противника перерубил его клинок словно сухую ветку. Отбрасывает оружие и молниеносно хватается за воткнутый в землю, осиротевший меч бородача.

Парень рубит наотмашь, кое-как, неловко управляясь со слишком коротким мечом со странной рукоятью и непривычным балансом.

Второй издает короткий звериный рык, его правая ладонь падает на мох, словно отброшенная перчатка, но крови еще нет. Он хватается оружием левой рукой и бросается на парня, сбивая его с ног. Оба тяжело валятся на землю, спина нападающего, в полукожухе, украшенном на спине вышивкой из трех танцующих в круге языков пламени, судорожно вздрагивает, а посередине, над самым вышитым знаком, торчит прямо в небеса клинок – по нему стекает кровь, открывая чистую, посверкивающую поверхность.

Тишина. Слышно лишь, как рядом, царапая сапогами каменистую почву и впиваясь пальцами в сухой осенний дерн, умирает тонущий в собственной крови человек.

А потом наступает тишина.

Парень с трудом отваливает труп в сторону, освобождается от его хватки, разжимая стиснутый на его куртке кулак, палец за пальцем. После чего встает, наступает противнику на грудь и, посапывая, вырывает из нее клинок.

Недоверчиво смотрит на него, а его ноги вдруг подгибаются, и парень тяжело садится на мох.

Меч трясется в руках, по всему телу пробегают судороги, молодой склоняет голову и начинает плакать. Станным сухим рыданием, которое подбрасывает его некрупное тело. Рыданием, что постепенно превращается в истерический смех.

Стоит так, на коленях, с запрокинутой головой, поднимая в окровавленных руках меч разведчика, *синоби-кэн* фирмы Nordland Aeronautics. Хихиканье, что рождается из плача, перерастает в победный рык. Писклявый и странный, он кончается гремящим шипеньем, которое могла бы издать гигантская рассерженная змея.

Парень встает на ноги и смотрит на забрызганную кровью скалу, вдруг порыжевший круг серой осенней травы и три трупа рядом.

Откладывает в сторону меч, трет руками траву, скользкие красные камни вокруг мертвого гиганта, а потом прикасается к собственному лицу и в полупоклоне подходит к Стволу, чтобы оставить на нем отпечатки своих окрашенных рук. Стоит в траве и шарит ладонями, пока не отыскивает одиноко лежащие ножны. Меч со щелчком возвращается домой, парень берет оружие, но не знает, как приторочить его к поясу. Наконец закидывает меч на плечо, словно лопату, и уходит узкой тропкой.

В противоположную сторону, чем та, откуда он пришел.

Остается только Дерево, забрызганные скалы вокруг и три трупа Людей Огня. Две вершины, жмущиеся друг к другу, словно ягоды. Снежные плевки на вершущах гор. Крик ворона в холодном осеннем воздухе.

Одеревеневший гнев, замерший в слоях и волокнах древесины.

Близится ночь.

А ночью приходят волки.

Порой между горами виден дым. Столпы черного дыма, пересекающие осеннее небо. Ночью вершины подкрашивает оранжевый отблеск огня. Порой ледяной осенний воздух доносит далекий крик. А порой – только карканье ворон.

* * *

Видны два пятна леса, взбирающегося по склонам, пылая царскими красками осени. Семьдесят три хвойных куста, скрученных, будто они вышли из-под рук мастера бонсай. Рассыпанные окрест бело-серые глыбы меловых скал, синеватые, как испорченное мясо. Искрящиеся плевки снежных шапок на вершинах.

Виден ад.

Тропинка идет резко вниз, где-то там, вне поля зрения, за границей вселенной. Но она не настолько отвесна, чтобы решительный человек не сумел ее покорить. Даже крепкий карлик может уговорить свои кривые ножки на такое усилие, заставляя одолеть горный путь и впряженного в тележку осла, похожего на уродливую помесь окапи и жирафа.

Он привязывает вожжи к одному из семидесяти трех скрученных хвойных деревьев. Вороны, выковыривающие остатки из уже разодранных волками трупов Людей Огня, взлетают хлопающей черной тучей и возмущенно каркают. Карлик присаживается на синей меловой скале и вытягивает из кармана тряпочку, в которую завернуты кусок копченого сыра и нечто, напоминающее черный помидор. Отрезает кусочек сыра и забрасывает на кончике ножа себе в рот, а потом осторожно откусывает от черного плода.

Минутку жует в молчанье.

– Это ловко, так спать в дереве, когда мир пылает.

Отрезает еще кусочек сыра.

Не похоже, что трупный запах и мертвецы хоть немного ему мешают.

– Говорю, это ловко. Я дал тебе хорошее имя, Спящий-в-Дереве. Ты говоришь, что предпочитаешь странствовать ночью. А я тебе говорю, что ты предпочитаешь, чтобы на тебя срали вороны. Предпочитаешь искать воду между камнями и ждать, пока осветит тебя солнце. Знаешь, по чему видно дурака? По тому, как он закончит, Спящий-в-Дереве.

Снова кусает черный плод, потом, охая, копается в карманах, пока не находит небольшую плитку соли, которую давит на камне рукоятью ножа. Плод, посыпанный грязной солью и наверняка украшенный муравьями, становится куда лучше.

– Ты видел, что такое Деющий. Видел живые тернии из железа. Видел движущийся замок с миллионом клинков и колес. Видел людей, заклятых в деревья и камни. Видел тварей из холодного тумана. И что? Ты ведь наверняка отправился с ним говорить? Сказал, что заберешь его за море домой? Может, напомнил ему о делах, которые остались там, в далеких краях? А может, ты решил взять его за загривок и отнести на то место как щенка, который вылез из псарни?

Карлик съедает плод до конца, тщательно заворачивает сыр в тряпицу и прячет нож. Со стоном встает, вытирает ладони о штаны.

– А теперь мир пылает – или встанет в огне через миг. Ты сидишь в Стволе и думаешь, как бы произвести на свет желуди. Деющий делает, что пожелает, и вскоре задумается над тем, что пора отыскать твое дерево. Это близко. Ничего не улучшилось, но сделалось еще хуже, – он

поднимает ладонь и направляет ее в сторону вершин, что прижимаются друг к другу, словно ягодицы, туда, куда указывает длинная тень дерева. Тень, выглядящая словно нож. – Смотри на восток, Спящий-в-Дереве. Смотри на дым горящих селений. Слушай Крысиного Музыканта, который ночью вызывает детей из домов. Смотри, как дикие звери тянутся за голосом его флейты, прямо под ножи Башни. Цена соли уже выше цены золота. Змеям нужно много мяса, а это значит, когда пройдет зима, они двинутся на Побережье. Сиди в дереве и смотри. Смотри, как встает война богов, после которой наступит иной мир. Приходит время неволи. Время трупов, Змеев и волчьего воя. Настанет рассвет, на который не захотят взглянуть даже деревья.

Он идет к своей одноослиной повозке, поднимает грязный брезент и роется среди узелков, бочоночков и тючков. Наконец поворачивается и показывает короткий, массивный топор с широким клинком и массивным обухом.

«KILL ME».

Древо не двигает и Ветвью. Древа не могут двигаться, разве что подует ветер. Древо неподвижно. Оно погружено в мертвенность древесины. Оно – одеревенелый гнев. Оно – тухляеющее отчаяние.

Древо – это дерево.

Карлик еще раз вытирает ладони о штаны и с усилием поднимает топор.

А потом разворачивает его и лупит обухом по концу торчащего из Ствола серебристого ясеневоего копья, словно заколачивая гвоздь. Глухой, деревянный стук прошивает молчание ледяного воздуха осени. А потом – снова и снова.

Где-то высоко каркает ворон. Через какое-то время слышен скрип, звучащий словно отчаянный, протяжный стон. Трещат зажатые вокруг древка волокна лыка и белые слои древесины. По гладкому Стволу с отпечатанными кровавыми следами ладоней ползет ручеек сока. Копье начинает двигаться, все глубже втыкается в Ствол.

Не слышно отчаянного, дикого крика, ничего не отражается эхом, не летит над горами. Древо молчит.

Древо – это дерево.

Копье входит в ствол все глубже, по самый разбитый обухом кончик древка. Воронова Тень откладывает топор и обходит Ствол. Упирается ногой, стонет от усилия, но деревянный прут сидит крепко. Его держит вся сердцевина Ствола. Карлик дергает древком вверх-вниз. Осторожно, но сильно. Старается расшатать твердый ясеневый кол в ране Древа, словно больной зуб, однако не хочет его сломать. Не слышно стонов, криков, рыданий и мольбы о пощаде.

Древо – это дерево.

Деревья не кричат.

Слышен только треск лопающихся волокон. Карлик падает на спину, копьё катится по земле.

– Я продаю деющие предметы, – поясняет он, вставая на ноги. – Не знаю, что оно может сделать, но я чувствую, что в нем есть сила. Может, ввергнет владельца в несчастье, а может – оно никогда не промахивается, если бросить его во врага. А может, оно превратит его в дерево? Назову его Копьем Дураков.

Вертит копьё в руке, сует его одним концом под мышку, а потом смотрит вдоль древка. Наконец упирает его в землю и большим пальцем критично проверяет состояние наконечника.

– Ты некогда просил совета, Спящий-в-Дереве. И сейчас я дам тебе совет. Ты больше не сыграешь со мной на него в «короля». Ты проиграл свою партию. Но знаешь, что сделать, чтобы выиграть, когда уже проиграл?

Карлик вбрасывает копьё в тележку и сует его между узлов, но древко торчит наружу, выступая из короткого ящика. Стоило бы обвязать его красной лентой.

– Тогда нужно сбить фигуры и расставить их снова. Когда проиграл – выиграть можно, только начав сызнова.

Он садится под своей повозкой, опираясь о колесо, и поигрывает топором, перебрасывая его с колена на колено.

– Дам тебе совет. Послушай, может, будет тебе с него толк, хотя я сомневаюсь. Никто не сможет вытащить тебя из дерева, точно так же, как никто не мог показать Деющему с рыбьими глазами, как оживить железные тернии. Он шел по стране в одной куртке, даже без меча. Ходил, где хотел, а теперь ему кланяются сотни Людей Змеев. Он сидит в своем железном дворе из кос и топоров, а ты спишь в дереве, и на тебя мочатся волки. Отчего так случилось? Чем он отличается от тебя? Вы настолько отличались там, откуда прибыли? Он приказывает туману, лепит из него тварей и наводит на Змеев безумие, а ты хочешь справиться с ним, выхватывая меч? Вы оба – извне. И ты, и он. Он поколебал равновесие мира. Он – словно нож, воткнутый в доску для «короля». Когда люди играют с высокой ставкой, порой кто-то тянется за железом. Льется кровь, и кто-то забирает деньги. Но выиграл ли он партию? Идет война богов. Есть те, кому она на руку. И есть те, кто желает, чтобы мир снова стал доской для «короля», а не схваткой на ножах. Они будут советоваться о тебе, но их советы тебе не пригодятся, пока ты спишь в дереве. Ты должен проснуться. Или торчи здесь и жди, пока Деющий с рыбьими глазами оболет твой ствол драконовым маслом. Проснись, Спящий-в-Дереве. Таков мой совет.

Он отвязывает своего жирафьего окапи и распутывает вожжи. Колеса телеги поскрипывают, она осторожно катится по отвесной тропке. Воронова Тень двигается рядом, потом натягивает вожжи и останавливается. Долго ищет что-то в телеге, роясь в тюках.

– Ты дал мне Копье Дураков, Спящий-в-Дереве. Нужно дать тебе что-то взамен.

Он расшнуровывает кожаный мешочек и осторожно достает нечто, что выглядит бесформенным пурпурным грибом-дождевиком, поросшим желтыми колючками. Карлик подбрасывает его на ладони и вдруг быстрым уверенным движением с размаха мечет прямо в деревянное лицо, венчающее Ствол, между двумя тянущимися к бурым осенним тучам Ветвями.

Плод разбрызгивается о поверхность коры, оставив пятно яркого сока и разбросав тучку желтых спор. Воронова Тень хихикает, встряхивает вожжами и сходит тропинкой вниз, за границу мира, пытаясь удержать свою тележку.

– Проснись, Спящий-в-Дереве! – кричит еще раз через плечо.

А потом устанавливается холодная, туманная тишина горной осени. Заходящее солнце обметывает красным плевки снежных шапок.

* * *

Проснись. Легко сказать.

Древо не может пошевелиться, не может треснуть или повернуться влево. Древо может расти, может отворачивать Листву от солнца, может ее сбрасывать, когда приходят осенние холода. Может поглощать углекислый газ из воздуха, тянуть из почвы воду с минеральными солями, может насыщаться сладким светом солнца. Может еще молчать, ждать и жаждать.

Древо стоит неподвижно. Оно все еще Древо, но что-то изменилось. Исчезло пробившее его копьё. Появилась округлая рана с разбитыми краями, два кровавых отпечатка ладоней и пятно в том месте, где странный гриб ударил в Ствол.

Если терпеливо ждать, может, кто-то еще вырежет перочинным ножом сердечко.

Но изменилось и еще что-то. Что-то такое, что остается незаметным.

В атмосфере поляны есть нечто злое. Нечто, чего раньше не было. Вороны взлетают и кружат над обочиной, крича, словно кто-то рвет на куски черные тряпки. Несмотря на холод, воздух дрожит и волнуется, как во время большой жары.

Волки, что возвращаются с приходом ночи, тоже останавливаются как вкопанные. Они огромны: метра три длиной, мощные клыки. Но они боятся. Прижимают уши, шерсть на загривках встает дыбом. Вожак стаи осторожно принохивается, порывая и скалясь, искося

поглядывает на Древо, на пятно инея, что проступает вокруг Ствола, словно Древо выпускает из своих глубин азот.

Наконец он делает несколько осторожных шагов и, нюхая, на ровных лапах, подходит к месту, где лежат останки недоеденных Людей Огня.

Древо молчит.

Но желание Древа освободить заклятый в волокнах и лубе гнев, выплюнуть погруженного в древесину человека кажется почти осязаемым. Воздух схватывается ударом холода, на поляну лентами втекает внезапный туман. Вьется между Ветвями, облизывает Ствол, сочится из почвы. Холодный туман. Очень холодный.

Под отчаянный скулеж и писк вожака терпеливо ожидающая стая бросается наутек. Большой, словно теленок, волк вьется и мечется по поляне, визжа от ужаса, будто проглотил раскаленный уголек. Конвульсии бросают его на землю, выворачивают в невероятные для четвероногого позы, подбрасывают тело в воздух. Это напоминает безумный танец, который мог бы показаться забавным, когда бы его не сопровождал отчаянный визг умирающего зверя. Кажется, невидимый гигант развлекается с волком, приказывая ему ходить на двух лапах и танцевать. Один его глаз взрывается, рассаживаясь перепадом внутричерепного давления, язык, превратившись в лохмотья, свисает из пасти, а под кожей волка, словно паникующие змеи, выются мышцы. Невидимый гигант пытается сжать бедного зверя, словно пластилин, вылепить из него человекообразную карикатуру. Слышно, как с глухим хрустом ломаются ребра, трещат суставы. А сильнее всего слышать жуткий визг и скулеж. На миг кажется, что невидимый великан достигнет успеха. Волк, стоящий вертикально, словно прибитый к воздушному кресту, с раскинутыми и сломанными лапами, на миг напоминает гротескного волкулака. Морда пульсирует, будто нечто пытается изнутри изменить ее форму.

Вокруг сплетаются ленты тумана, потрескивают крохотные электрические разряды. Кажется, земля дрожит и вибрирует. Поляну внезапно сковывает преждевременный иней.

Стоящий посередине поляны волкулак дергается в невидимых сильных лапах, что мнут его, словно глину. На долю секунды посреди хруста костей и брызг крови его морда меняет форму, становясь призрачной карикатурой на лицо мужчины, скованное ужасной болью. Длится это лишь мгновение, потом несчастное, искалеченное создание валится на землю, словно куча тряпок, и опять превращается в волка. Он растерзан, порван в клочья, в нем нет ни одной целой кости, и выглядит он так, будто его переехал горный комбайн.

Древо молчит.

Древо не может встать, не может шевельнуть Веткой, не может выплюнуть утопленного в древесину и лыко человека. Но Древо не страдает. И никогда не отступает.

Слои тумана выются над поляной, дрожа, как мутная белая вода. Дрожит земля. Мелкие камешки падают со склона и градом сыплются в пропасть.

Встань и иди!

Проснись!

Слышен шелест, и расклеванные воронами, разодранные волчьими клыками Люди Огня начинают шевелиться. Поднимают расколотые, ободранные от кожи черепа, хлопают кровавыми ямами глазниц. Двигаются вслепую, словно черви, пытаются ползти, волоча остатки конечностей, рассыпая вокруг червей и жуков, которые успели поселиться в их внутренностях. Один из трупов встает и нетвердо пытается подняться на ноги. Еще один пробует неуверенно шагнуть вперед, но у него нет правой ноги, которую отгрызли волки. Он опрокидывается прямо в пропасть и исчезает во тьме; внизу слышен грохот осыпи и гром катящихся камней, но остальные уходят. Уходят мертвым, механическим шагом куда-то в ночь. Во тьму и полосы тумана.

Вверху призрачно, исполненными ужасом голосами орут вороны.

Древо не страдает. И не отступает.

Ствол одевается в косматый гриб инея. Ветки покрываются пышной белой сажеей, одна из скал внезапно взрывается, разбрасывая вокруг тучу пыли и посвистывающих осколков, а вместо нее остается незаконченная статуя стоящего на коленях мужчины с продолговатым лицом, перекошенным болью. Статуя – словно крик. Словно аллегория рождения.

Склон дрожит. Слышно, как вниз по нему катятся камни, как с треском отламываются каменные плиты, как в долину с грохотом сходит каменная лавина.

Встань!

Иди!

Проснись!

Поверхность близкого ручья покрывается вдруг стайкой серебряных проблесков; небольшие рыбки, блестя словно монетки, бегут на берег и отчаянно выпрыгивают из потока, а через миг вода вскипает.

Из леса выцеживается ледяной густой пар и вьется по склону, как гигантская змея, ползет прямо на поляну, чтобы проглотить ее вместе с Древом, тропкой и семьюдесятью тремя артритно скрученными кустами.

Продолжается это долго. Очень долго. Но Древо не страдает.

Не отступает. Древо – это дерево.

Утром туман исчезает. Расплывается, всасывается в скалы и ствол. Даже иней тает. Остается лишь памятник коленопреклоненного мужчины, спекшаяся земля и разодранные стволы соседних деревьев: словно что-то разломило их изнутри. А еще шесть ясеней, разбросанных вокруг. Ясеней, которых вчера не было.

Все они выглядят так, будто проглотили человека с лицом, перекошенным болью. Ветки напоминают направленные к небесам руки. Изображения эти застыли в разных позах, словно одеревенев в танцевальном хороводе. Словно остановив фазы движения несчастного, бьющегося в конвульсиях. Некоторые стволы прошивает ветка, похожая на копье, у других посередине дупло в форме раздерганной округлой раны.

Земля вокруг растрескавшаяся, смешанная с разломанными камнями, словно деревья выросли из внезапного взрыва, за долю секунды разнося в клочья все, что встало у них на пути.

Кроме этого, на поляне царит спокойствие. Только вороны кричат отчаянно, боясь на нее приземляться.

* * *

Яркий утренний свет разрезан на полосы щелями жалюзи, скользкое белье, под окном шипит старый кондиционер, откуда-то просачивается устойчивый запах лаванды. Где я?

Лаванда.

Поросшая лиловыми кустами возвышенность, покрытая россыпью белых скал. Пинии и лаванда. Лежащая в снопах, сносимая в каменную давящую, из которой поднимается тяжелый лавандовый дым.

Лавандовый дым.

Лавандовые поля.

Гвар.

Дом.

Я встаю. Нагой, лоснящийся от пота, несмотря на сопящий кондиционер под окном. В голове моей шумит, и потею я наверняка ракией. Скверно. Ничего не помню, но мне нет до этого дела. Нет сил на переживания.

Отдвигаю дверь и выхожу на террасу.

Внизу – улица, залитая утренней жарой, забитая неспешно идущими людьми. Впереди, в проливе, – движение как на автостраде. Яхты, минуя друг друга, режут изумрудные волны, тре-

пеща парусами; на горизонте движется гигантское судно «Ядролиний» на воздушной подушке. Короны пальм колышутся на ветру.

Плитки террасы горячи, словно кухонная решетка.

Смуглая, стройная, черноглазая кельнерша расставляет стулья в кафе внизу, смотрит на меня и хихикает.

– *Dobar dan, Vučko!*

– *Dobar dan, Milenko. Može espresso!*²

Боже святой, я ведь голый. Отступаю, Милена взрывается злым смешком.

– *Oprosti, Milena.*

– *Polako, Polako! Kuham kavu.*³

Я иду в душ и стою там бесконечно. Мне кажется, что я не купался месяцы. Чищу зубы, не выходя из-под выплевываемых восемью форсунками водных струй, натираюсь гелем, пахнущим кедром. Игнорирую безбожные цены на воду в Гваре, душевой счетчик жадно набирает куну за куну.

Чувствую досадную, угнетающую боль где-то в грудной клетке. А еще у меня тянет нога. Подвернул? Когда? Массирую грудь и убеждаю себя, что это нервное. Ведь не будет сердечного приступа. Я на склерофаговом лечении, сердце у меня – как у двадцатилетнего.

Быстро одеваюсь, чувствуя, как ко мне возвращается жизнь. Но горящая светом улица невыносима без черных очков. Я сажусь в тени маркизы под стеной и с умилением гляжу на круглый, чистый столик. Мне кажется, я проснулся от кошмара. Меня все радует. Хоровод туристов, бесконечно идущих через площадку над морем, ветер в кронах пальм, красно-белые зонтики пива «Карловачко». Конец сухому закону. Свобода. Мы снова взрослые.

Радуюсь даже тому, что маленькая чашечка снова легального итальянского эспрессо «Альфредо» безукоризненно чиста. И я могу бросить в нее два кубика настоящего сахара.

– *Milenko, može oranges, kruk i salata od hobotnice?*

– *Može, Vučko! Sigurno!*

– *Hvala!*⁴

Черный как смоль кофе покрывает густая бежевая пена. Запах крепкой арабики. И лишь где-то в душе – тень беспокойства. Неопределенная тьма. Чувство, будто что-то здесь не так. Что-то с моей головой. Все так, как и должно быть, и все же мозг работает как после сотрясения. Куски реальности разделены темным ничто. Где я был вчера? Кто я такой? С какого времени все вновь сделалось нормальным? Сажусь в кафе, а значит, «бархатный тоталитаризм» исчез. Не помню, когда именно. После Топливной Войны? Что я тогда делал? Что делал вчера? Откуда я здесь взялся?

– *Milena, imaš cigarety?*

– *Imam! Lary hočeš?*⁵

Они снова легальны?

Я подношу чашечку к губам, но прежде чем успеваю сделать глоток, белый фаянс разбивается у меня в руках, кофе проливается на тротуар, а я резко вскакиваю, пытаюсь спасти светлые штаны.

Он бесцеремонно присаживается за столик, поддвигает себе стул. Крупный седеющий мужчина в шляпе и ярко-красной шелковой рубашке. Расхлюстанные полы открывают смуглую волосатую грудь, увешанную множеством золотых цепочек и кулонов. Он не похож на хорвата. Серб? Цыган? Турок? Я смотрю на него в раздраженье, но внезапно каменею. У него лишь один

² – Добрый день, Вуко.– Добрый день, Миленка. Хотелось бы эспрессо.

³ – Прости, Миленка!– Поляки, поляки! Пойду сварю кофе! (Хорв.)

⁴ – Миленка, можно мне апельсиновый сок, круассан и салат из осьминогов?– Можно, Вуко! Конечно!– Спасибо!

⁵ – Миленка, есть сигареты?– Есть, «Ларсы» подойдут? (Хорв.)

глаз, зато совершенно черный, без следа белка, продолговатая капля смолы. Второй скрыт за округлой костяной нашлепкой, привязанной кожаным ремешком. На пальцах, опирающихся на эбеновую трость, что увенчана головой ворона, блестят перстни. На голове – оригинальный белый стетсон, сплетенный из панамской рафии.

– Здесь полно свободных столиков, дружище, – цежу я. Еще и кофе мне разлил. Я что, выгляжу окулистом? Чего он уставился на меня своим кровавым буркалом?

– Проснись, Спящий-в-Древе, – рычит он со злостью. – Тебя ждут.

Добрый день. *Dobrodoszli*. Безумец.

– Прошу прощения, но я завтракаю. Может, поищите кого другого? Клиника – в той стороне. За *ribaric* ей⁶.

Он выпрямляется на стуле, а потом сует в рот два пальца и пронзительно свистит. Мгновенно, в шуме тысяч крыльев и оглушительном карканье, чернеет небо. Я смотрю вверх и вижу птиц. Гигантская, покрывающая весь небосклон стая больших, словно гуси, смоляно-черных воронов. Они садятся на крыши, на мачты яхт, на деревья, на головы и плечи прохожих, которые внезапно делаются недвижимы, будто манекены. Заслоняют даже яркое сияние балканского солнца. Я не могу выдать ни слова. Слышу беспрестанное карканье, словно кто-то рвет на куски черные тряпки. Все застывает, как погруженное в янтарь. Двигаются лишь вороны. Сидят на плечах и на голове Милены, что стоит в дверях кафе с подносом в руках. Большой ворон бьет крыльями, развевая ее волосы, второй садится на плечо девушки и одним движением серого, огромного как острие чекана клюва вырывает ей глаз. Милена стоит неподвижно, замерев на полушаге, по смуглой щеке стекает ручеек крови – на белую, окаменевшую улыбку.

У меня открыт рот, а глотка вдруг превратилась в старое дерево.

– И как тебе, когда кто-то приходит и поджигает твой мир, Спящий-в-Древе? – спрашивает мужчина.

Я, ошеломленный, молчу. Не знаю, где я. Не знаю, кто я.

Мужчина встает, входит в кафе, бесцеремонно протискиваясь мимо окаменевшей, искалеченной, истекающей кровью Милены, а потом снимает со стены рекламу «Гиннеса» – обрамленное морозными, точеными узорами, оправленное в рамку зеркало.

– Взгляни на себя, Спящий-в-Древе, – говорит он. – Взгляни в свои глаза.

Я машинально гляжу, и за серебристой голограммой с надписью «Гиннес» вижу странное, чужое лицо. Оно похоже на мое, но – чужое. Вытянутое, почти конское, с носом, узким как плавник; прилегающими к черепу узкими, но длинными ушами. И глаза. Глаза. Как у него, наполненные темным ореховым цветом, напоминающим копченые миндалины. Кто я? Кто я такой?

Сижу как деревянная статуя.

Я – Вуко Драккайнен. Сын Ааки Драккайнена и Аниты Островской.

Нет.

Я Ульф Нитй’сефни. Ночной Странник.

Мидгард.

Древо.

Я начинаю кричать.

Не хочу просыпаться.

Не хочу.

Весь мир погружается в смоляную тень тысяч воронов.

Воронова Тень.

Они каркают.

⁶ Рыбным рестораном (*хорв.*).

Я иду следом за ним, безвольно; мы протискиваемся между остановившимися как на стоп-кадре туристами, среди бьющих крыльями воронов. Он поднимает свою кретинскую трость и бесцеремонно раздвигает группку неподвижных японцев.

Мы идем.

Он ведет нас в отель, стеклянные двери с шумом разъезжаются. Я ощущаю на лице дуновение прохладного, кондиционированного воздуха. Цыгано-турок с вороновой тенью властно проходит вестибюлем, потом через ресторан, еще одни двери раздвигаются перед нами, выводя на террасу.

Я иду следом и вдруг оказываюсь в огромной мастерской. Нет террасы, нет вида на залив, только помещение, выложенное измазанными плитками; гудящий очаг, кран под потолком, позванивающий цепью. Бьет управляемый компьютером пневматический молот, некий бородастый огромный человек, с лицом, прикрытым зеркальной маской, склоняется над сложной стальной конструкцией с перчаткой управления на руке, механическое плечо, что заканчивается соплом сварки, свешивается с потолка и то и дело постреливает снопами искр среди стальных кишок.

– Отключи это, Укко! – орет мой проводник. – Тут же сбрендить можно! Мы должны поговорить!

Бородач поднимает на нас зеркальную маску и, наверное, смотрит – молча. Расставляет пальцы. Молот замолкает, токарный станок давится замирающим свистом, сварка внезапно прячет форсунки и гасит плюющийся ацетиленовым пламенем клюв, а потом уезжает под потолок. Тишина, только в ушах моих продолжает звенеть.

Я знаю это место.

Это мастерская дядюшки Атилаайнена. Даже стоящие вокруг, привезенные из Америки крейсера шоссе, похожие на хромированные фортепиано, – те же, что и тогда, в детстве.

Мужчина, которого называют Укко, поднимает с лица зеркальную маску и отводит ее на макушку, а потом кивком указывает на кабинетик. На крохотную клетку с письменным столиком и компьютером, стенами, увешанными рекламами запчастей и с календарем, оскорбляющим женщин, выставляя их сексуальными объектами.

Негде присесть.

– Я пришел не за топором или подковами, Кузнец, – ворчит Воронова Тень. – Нам нужно посоветоваться.

Кузнец открывает небольшой чешский холодильник и вытягивает две банки пива. Для себя и Вороновой Тени. Я чувствую себя оскорбленным.

– Это – тот? – спрашивает Кузнец, похоже, риторически. – Ты меня оскорбляешь, Ворон. И это – наша надежда? Приблуда, заключенный в дерево? Еще один приблуда?

С шипением открывает банку, пена заливают густую бороду.

Кузнец пьет, мой проводник садится на пластиковый стул для клиентов и открывает пиво. Его глаза полны глубокой морской синевой.

– А как справляются твои Люди Огня, Кузнец? Мы еще увидим, как девушки этой весной будут танцевать с огнем в честь возвращения Света? Или – вечный мрак, руины и Змеи?

– Сейчас ты скажешь мне, что мир меняется. Будто не знаешь, к чему такое приводит. У нас проблема, Ворон, – цедит рассерженный Кузнец. Щелкает пальцами, и на его ладони появляется огонек. Небольшой танцующий огонек, словно от таблетки сухого спирта. Мужчина играет им, лепит из него – машинально – фигурку танцующей девушки, а потом некоторое время на нее смотрит. Огненная фигура вьется меж пальцами, словно тренируется танцевать у пилона. Кузнец дует, и огонек исчезает. – Проблема наша в чужаках, которые воруют песни, нарушают правила и равновесие. Тех, кто прибыл с силой, о которой они не имеют понятия, творят, что придет в голову, и разносят мир на куски. К счастью, есть Торговец, Бродяга, Друг Людей, и у него есть идея. Идея вот такая: добавим еще одного пришельца с факелом. У тебя

– лисы в курятнике, и потому ты решаешь отправить туда волка. Волк передушит лис, а потом гуси заклюют волка. Разве что волк после поклонится птицам и уйдет себе. Я ничего не пропустил? У меня много работы, Ворон. Ответ мой – нет. Чужак в дереве – чужак неопасный. Умиротворенный. Он – решенная проблема.

– Те – уже не одни, – повышает голос цыган. – У них есть союзники на нашей стороне. Чужаки – уже элемент мира, и кто-то это использует. Против нас. Может, ты поговоришь со Змеем?

– То есть нам стать такими же, как они? Признать, что без обмана мы не справимся?

– А мы и не справимся. Что ты противопоставишь Песням, используемым налево и направо? Я скажу тебе, что. Спустишься лично и сам примешься петь. И это – согласно правилам? А знаешь, что будет дальше? Те сделают то же самое. Змей, Сука, Вихрь, Мороз и остальные. Полагаешь, они не осмелятся? Один за другим. Нынче главные правила еще не нарушены. У нас есть Деющие, но из нас пока никто не вступил. Это они. Те. Чужаки. Они ломают законы. У нас кризис, но еще не война. Ты дашь им повод для войны. Они об этом мечтают. Я предлагаю кое-что другое.

– ...Это еще один чужак, верно. Но он прибыл сюда, чтобы вернуть равновесие. А значит – позволим ему так поступить.

У меня болят ноги. И я начинаю злиться. Сжимаю зубы.

Копаясь в карманах и наконец нахожу пачку «ларков». Ну, давай, дед, скажи мне, что здесь нельзя курить. Ну, давай, испорти мне день, мудака. Увидишь, что будет дальше.

Он меня игнорирует. Как и Воронова Тень.

Кузнец тянется за большой отверткой и задумчиво закручивает ее вокруг пальца, словно кусок резины.

– С кем ты уже говорил?

– Ты первый. Пойдем к ним вместе.

Отвертка превращается в очень толстую пружину.

– Кто еще хочет говорить? – спрашивает наконец Укко.

– Вепрь и Самум.

– Так он жив? Уже все потерял.

– Я слышал, он испугался того, что происходит, и хочет вернуться.

– Оттуда, куда он ушел, нечасто возвращаются.

– И все же.

Я хмыкаю, стряхиваю столбик пепла и присаживаюсь под стеной. Все напрасно. Меня нет. Я прозрачен.

Кузнец втыкает свернутую в пружину отвертку в стол и встает.

Мы выходим через раздвижные двери, за которыми должен быть паркинг, а потом шоссе на Рованиеми, что вьется над фьордом среди сосен и березок. Оба главных – впереди, а я – скромно сзади. Невидимый и несущественный. Во мне все кипит. Мне не нравятся их принципы, меня раздражает полный умолчаний разговор о вещах, о которых я понятия не имею.

Открой рот – они меня проигнорируют. Совсем как десятилетнего ребенка, вмешивающегося в разговор взрослых, который он не понимает.

И точно.

Не понимаю.

За дверями ангара нет паркинга с отреставрированными столетними «Кадиллаками», «Шевроле» и «Бьюиками», в которые дядюшка Атилаайнен вставлял водородные турбомоторы Ванкла и электронику. Уже поколения большая часть исторической продукции автомобильной промышленности Детройта лежит на диких кладбищах Кубы либо попала в рай в Финляндии.

Там вообще нет Карелии.

А есть сенегальская база Иностранного легиона в Аль-Хамме. Третий полк воздушной кавалерии. Море песка, старая касба, что выглядит как осыпавшийся песчаный замок, ряды барачков, лысые пальмы и баррикады из пенобетона, оцетинившиеся автоматическими пушками: стволы непрестанно движутся, подмигивая глазком датчиков, и нюхают горизонт.

За рядами перестроенных барачков садится медэвак. На корпусе переливаются размытые узоры из бурых, желтых и песочных пикселей. Поставленные совмещенные поля поднимают тучи пустынной пыли, слышно пульсирующее гудение моторов. Группа легионеров в охлаждающих комбинезонах бежит трусцой в сторону столовой, хором поют «Alouette»⁷.

Мы идем, склонившись, под сыплющим в глаза песком, придавленные адской жарой. Погружаемся в песок по щиколотки.

Обходим форт и бредем к большой бурой палатке, поставленной сразу за кордонами базы. Бордель. О, да, я прекрасно помню. Ясное дело, нелегальный.

Wies' mir bardak, wsje liudi – bljadi — как говаривал сержант Шеваль.

Внутри – полевые столики на козлах, составленные в длинную столешницу, складные стулья, самоходные бутылки. Под стеной захлебывается и брызгает водой небольшой кондиционер. Грядет вечеринка.

За столом сидит лишь один мужчина, одетый в полосатый бурнус; смуглые ладони, выступающие из рукавов халата, поигрывают кривым туарегским ножом; накрытая белой мятой кепкой голова скрывается в тени.

– Давно не виделись, Самум, – говорит Кузнец. Он, кажется, уже потерял терпение. – Мы не могли встретиться нормально? Зачем эта комедия?

– Беру то, что есть, – бурчит бедуин из-под кепки, после чего снимает головной убор и бросает его на стол, открывая большеухую круглую голову не то шакала, не то пантеры. – У меня нет ни сил, ни времени копать в снах. Сюда мне – ближе всего. Этот – он?

Это он обо мне. Я – «этот».

Мне нужно представиться? Как кому? Капралу Островскому?

– Как вам это нравится? – спрашивает девушка, отодвигая входной клапан. Она одета как будто сошла с плаката двадцатого века, какие собирал мой отец. У нее десантные ботинки, порванные чулки в сеточку и расстегнутый мундир, обвешанный амуницией. У нее есть фляга, шесть магазинов, гранаты, штурмовой нож, кобура. Но больше на девушке нет ничего. У нее короткие волосы, лицо же пересекают полосы боевого камуфляжа. На плече вытатуирован череп. Девка-коммандос.

– Тебе очень идет, – цедит Воронова Тень, обмахиваясь ладонью.

– Похоть и война, – хихикает девушка. – Мои стихии. Класная рубаха, Ворон.

Воронова Тень сплевывает сквозь зубы и придвигает поближе пачку датских крекеров.

Я беру туристический стул, бутылку минеральной воды и сажусь подальше от стола.

Мне оно на фиг не нужно.

Я – дерево. Что они еще могут мне сделать? Срубить, пустить на доски и сколотить из меня сортир?

По крайней мере, что-то происходит. Нет нужды смотреть на вершины гор, прижатые друг к другу, словно ягодицы, увенчанные плевками льда. Все лучше, чем это.

– Взгляните на него, – говорит Воронова Тень. – Почувствуйте его гнев. Ощутите его несогласие со всем этим. Задумайтесь. Я говорю: освободим его и пусть убирает своих. Ничего другого он не желает.

– Он слаб, – говорит псоглавый туарег. – И он один. Те прибыли, чтобы узнать. И остались, чтобы перелепить мир по-своему. Чтобы деять. С ним может случиться то же самое. Они так работают. Все. Песни льнут к ним.

⁷ «Жаворонок» – песня, происходящая из французской Канады и считающаяся ее неофициальным гимном.

– Этого мы не знаем, – вмешивается Кузнец. – Не знаем, почему случилось то, что случилось. Может он – другой.

«Почему случилось то, что случилось». Прекрасно. Мастер тавтологии.

– Если он станет деять, с ним может случиться то же самое. Если не станет деять – погибнет. В любом случае плохо. Так я говорю.

– Положимся на судьбу. На военное счастье, – хихикает девушка. – По крайней мере, хоть что-то встряхнет это болотце. Если ничего не станем делать, они сделают это за нас. Так или иначе, закончится одинаково. А он мне нравится. Умеет биться и умеет трахаться. Чувствую, у него давно не было женщины.

– Я все еще утверждаю, что мы должны поступить честно, – крутит головой Кузнец. – Мы не исправим ситуацию, ломая очередные правила. Убьем его, быстро и безболезненно. А потом поступим, как должно.

– Повторяю, мы не ломаем правила! – злится Воронова Тень. – Это они их ломают. Тот чужак, – указывает на меня крестом, – единственный элемент, которому здесь место. Он не один из нас, и у него есть хотя бы шанс. Последний и для нас, напомним вам.

Встаю. Каждой игре наступает конец.

– Насколько я понимаю, вашей проблемой остаются мои родичи, – они глядят на меня ошеломленно и в смущении, словно заговорил кондиционер. – А также то, что они овладели так называемыми Песнями. Хорошо ли я понимаю, что они таким образом получили слишком много сил, власти, мощи, или как там это назвать? Так вы правите своим миром? Эти сопливые Песни лежат, как понимаю, на улице, а когда кто-то их поднимет, вы впадаете в истерику и плачете над какими-то правилами. Может, кто-то должен сказать вам, что в жизни не бывает нерушимых правил? О чем идет речь? Что я тоже стану магом и начну превращать людей в кроликов или летать на лопате? Ну, так получите еще одного мага, а не нескольких. Если хотите, чтобы я вам помог, дайте мне больше информации. Локализация, окружение, возможности объекта. Объясните мне, где находятся мои земляки и что с ними произошло. Я прошу инструкции насчет Песен богов и о холодном тумане. А если не дадите, ухреначивайте. Я выйду из этого дерева и заберу их отсюда. А если это будет невозможно, – убью. Или останусь и расцвету.

– ...Приоритет моей миссии – возвращение равновесия вашему миру. А проблема туманов, говорящих ведер, гномов, эльфов и мечей-кладенцов мне до жопы. Если решите, что можете мне помочь, только если я завяжу яйцо на сосульку, вырежу изо льда кнут и что-то там еще, то и это мне до жопы. Вот просто так вот. Более того, жопа эта настолько велика, что там запросто поместится и вы.

– ...Я в своей жизни не встречал банды настолько неумелых богов. До свидания. *Hvala*. Сердечно прощаюсь, господин Призрак. Целую ручки, госпожа Лихорадка. Прощайте, господин Кошмар. Тень, поблагодари собравшихся, мы уходим. Прошу снова включить мне Гвар, вставить глаз Миленке и прибраться за воронами. А еще ты вылил мой кофе, *jebem ti majku!*

Устанавливается тишина. Они продолжают глядеть на меня, словно я устроил стриптиз перед папой.

– Ну, – говорит Кузнец. – Это мне даже нравится. Я люблю таких людей. Говорит со смыслом и коротко. Подумаем над этим.

– Я уйду, – заявляю я. – В случае чего, вы знаете, где я расту. Я занят, должен сбросить листья. Осень, понимаете ли. Полные ветки работы.

– Ладно, – говорит шакал в кепке. – Сейчас ты уйдешь. Мы посоветуемся и решим. Если решим тебя убить, ты легко все поймешь.

Я выхожу из палатки. Тоже люблю, когда кто-то говорит со смыслом и коротко.

* * *

Видно два пятна леса, взбирающегося по склонам, пылая царскими красками осени. Семьдесят три хвойных куста, скрученных, будто они вышли из-под рук мастера бонсай. Рассыпанные окрест бело-серые глыбы меловых скал, синеватые, как испорченное мясо. Искрящиеся плевки снежных шапок на вершинах, прижимающихся друг к другу, словно ягодицы. Шесть искореженных ясеней, разбросанных тут и там по поляне. Каждый выглядит так, будто его ствол проглотил человека, замершего в конвульсиях.

Древо аж вибрирует от сконцентрированной силы. Его окружает нимб дрожащего воздуха и пятна косматого инея, покрывающего скалы, сухую траву и кусты.

Высоко вверх формируется тяжелая туча, похожая на наковальню. Вихрящийся воздух, наполненный паром, вверчивается туннелем до самой стратосферы, где внезапно охлаждается. Выброшенные на края цилиндра шарики льда снова валятся к горячей основе тучи. Превращаются в пар, который засасывается внутрь туннеля и снова мчится вверх, чтобы в ледяных слоях атмосферы превратиться в тяжелые глыбы льда – и так без конца. Внутрь – вверх, снаружи – вниз. Воздушный туннель в туче превращается в гигантский конденсатор, набитый медленными электронами, отяжелевшими от добавленных зарядов. Разница потенциалов между тучей и поверхностью земли растет с каждой секундой.

Все стремится к выравниванию. К равновесию. А оно как раз нарушено. Разница потенциалов достигает миллионов фарадеев, и выдержать это становится невозможно. Все вибрирует энергией. Раздерганным, электрическим гневом.

На верхушке Древа на несколько наносекунд появляются маленькие, изгибающиеся, будто змеи, плотные разряды. Прыскают вверх и замыкают контур. Гигантский водопад энергии рушится вниз, плывя сквозь Древо, до корней в глубине земли. Один миг, и между тучей и верхушкой дерева с ужасным треском проходит ослепительная, гигантская змея плазмы.

Раскат грома проносится по горам: мощно, точно расселось само небо.

Остается только разорванный, обожженный обрубок Ствола, бьющийся оранжевым огнем.

А потом на все рушится стена воды.

Глава 2

Башня

*Прамать Матерей,
черти свой круг!
Самка Самок,
открой свой дом!*

*Дави нашу душу,
ешь наше сердце.
Единство – сладко!
Единство – велико!*

*Сплоти наши мысли,
стопчи нашу волю.
Ты есть светом,
ты есть лоном!*

*Поглоти нас!
Поглоти час!
Пусть сгорят дни,
умолкнут сны.
Тьма! Влажность! Единство!*

*Амитрайская Жертвенная Песнь*⁸

Место это было небольшим. Размером с поселок. Уже не кишлак, но еще не город. Первый увиденный мной после той страшной грозовой ночи, когда вспыхнул бунт, и я смотрел, как мой дворец, Облачные Палаты, умирает в гудящем пламени. И видел, как под ударами серпов конницы и коротких мечей солдат «Каменного» тимена гибнет Маранахар. Потом были лишь бездорожье, леса и тракты. Теперь мы впервые должны были ехать сквозь город. Лучше бы этого избежать, но река Фигисс, что текла с близких гор, оказалась слишком бурной и опасной, даже после долгой засухи. Однако сушь миновала, вместе с победой Подземной Матери вернулись дожди, оросив горы и поля и заново наполнив реки. Потому нам нужно было перейти мост, а единственный мост в окрестностях соединял берега здесь – в селении Аширдым.

Потому я глядел на приближающиеся строения – я, Владыка Тигриного Трона, Пламенный Штандарт, Господин Мира и Первый Всадник, глядел на мир, ступая рядом с двуколкой, на которой под зонтом сидел мой охранник и проводник, последний подданный, какой у меня остался. На мне были мешкообразные портки и переброшенная через плечо красная туника адепта культа Подземной Матери, а искалеченная кожа на моей голове горела после наскоро совершенного бритья.

Брились мы поспешно, укрывшись среди кривых деревьев подальше от тракта, помогая друг другу. Брус без малейшего колебания отрезал свою косицу ветерана, пробормотав лишь, что уже давно должен был это сделать.

Волосы мы прикопали в песке. Мои и Бруса, смешанные вместе.

⁸ Все стихи Амитрая и Кебира – авторства Майи-Лидии Коссаковской.

Трупы жреца и адепта мы оттащили подальше от дороги и затолкали в песчаный яр, и песком же забросали. Все случилось тихо и как-то вдруг.

Жрец властно позвал нас и приказал помочь своему адепту, который пытался вернуть на место соскочившее колесо. Мы помогли ему, и я никак не ожидал того, что случилось, когда Брус вдруг развернулся и ухватил жреца одной ладонью за голову над затылком, а второй – толкнул его подбородок в сторону. Прodelал он это так молниеносно, словно хватал брошенный ему плод. Раздался треск позвонков, и человек в маске свалился с сиденья двуколки, жутковато подрагивая. Мгновение и я, и адепт глядели на происходящее в ошолбенении, пока до меня не дошло, что теперь моя очередь, и я поднял палицу шпиона, чтобы выхватить скрытый клинок.

– Нет! Без крови! – крикнул Брус. Прыгнул с козел повозки, оттолкнулся одной ногой от спины осла и пал убегающему адепту на спину. Оба рухнули на землю и некоторое время крутились, будто сражающиеся змеи. Наконец замерли, молодой адепт дергался из стороны в сторону все резче, поднимая клубы пыли подошвами сандалий, с головой, пойманной между сплетенными руками Бруса. Продолжалось это бесконечно. Я не знал, что делать, и потому лишь смотрел, считая удары своего испуганного сердца.

Наконец отчаянное брыканье стихло, только одна нога адепта еще подрагивала, была пяткой в песок. Но потом и это движение прекратилось. Брус тряхнул мальчишку еще раз – словно леопард пойманного кролика, расплел руки и столкнул с себя безвольное тело.

– Помоги мне положить их на повозку, – прошипел. – Быстро! Сейчас еще кто-нибудь придет! Всегда так бывает. Если тебе кто нужен, все вокруг словно вымирает. А когда никто не нужен – лезут как на свадьбу.

Жрец был тяжелым, а адепт выглядел ужасно. Глаза его выкатились, налитые кровью по тем белым частям глаза, которые обычно скрыты под черепом, словно что-то вытолкнуло их изнутри, а торчащий изо рта опухший язык походил на странный фиолетовый плод.

Мы съехали с дороги, повозка ехала, раскачиваясь, мой желудок завязался узлом.

– Не сейчас! – процедил Брус. – Через минутку тебе полегчает.

Когда мы оказались в относительно безопасном месте, он бросил мне с повозки кожаную баклагу, наполненную водой с капелькой уксуса. Я напился, а потом резко выблевал все на землю, кашляя и даваясь в болезненных спазмах, от которых из глаз моих ручьем текли слезы. После всего я был настолько слаб, что мне пришлось сесть.

– Обычное дело, – успокаивающе сказал мой соратник. – Ты привыкнешь к крови и смерти, но для этого понадобится время. А вот когда человек перестает чувствовать себя от такого больным – значит, какая-то его часть умерла. И кусок его сердца превратился в камень.

Избавившись от тел, мы заглянули в повозку. Нашли небольшой сверток с вещами адепта, корзину с пищей – главным образом, лепешки из дурры и лука, сушеные медовые сливы, – воду и сундук с одеждами жреца.

Никакого мяса, никакогопряного пива или пальмового вина. Не было даже кусочка сыра.

– Мне это не нравится, – заявил я внезапно. – Может, и прошло некоторое время с того момента, как вспыхнул бунт, но еще небезопасно. Мы и сами недалеко отсюда наткнулись на мародеров. Отчего этот жрец путешествует в одиночестве, будто прогуливаясь? Разве они не привыкли двигаться с эскортом? Если даже не выделили ему войск, отчего адептов не было восемь, да с крепкими палками?

Брус сидел на корточках, осматривая одежды жреца, но замер и поднял на меня удивленный взгляд.

– Давай-ка внимательнее обследуем повозку, – сказал он. – Я и понятия не имею, отчего так случилось. Возможно, он был из Башни в Аширдыме? Отъезжал недалеко?

– Тогда к чему запасы воды и провианта? – сомневался я. Сам не знаю, из-за инстинктов ли, из-за подозрительности, или от того, что я страсть как не желал надевать одежду еще не

остывшего мертвого парня. Не хотел и выдавать себя за жреца. – Его одежда слишком хороша. Знаю, что они неплохо устроились, но даже у имперских чиновников из таких дыр, как Аширдым, не хватило бы средств одеваться в шелка каждый день. Глянь на эту резную ложку из черепахового панциря, на миску или на шкатулку с инструментами для письма. Таких предметов не постыдились бы и в Доме Киновари. Мои и то были скромнее. Это не обычный жрец. И я тем более не понимаю, отчего он путешествовал в одиночестве.

– У нас нет выхода, – заявил Брус. – Мы должны перебраться через мост. Когда сможем, спрячем повозку и вещи. Только после моста. Поедем быстро. Вот только нам нужна легенда.

– Какая легенда, ситар Тендзин?

– Ловкая ложь. Историйка, которую надо рассказывать вместо правды, если кто-то станет расспрашивать. После не будет времени ее выдумывать. В таких ситуациях нужно заранее приготовить легенду и выучить ее наизусть. Ты должен знать, кто ты, что делаешь и почему. Всегда. Даже если полагаешь, что тебя никто не станет расспрашивать, легенда необходима.

Мы еще раз обыскали их узелки и сундуки, а также саму повозку. Брус осмотрел ее с расстояния в несколько шагов, заглянул под колеса, ощупал упряжь. Подергал за оковку. Ничего.

Мы обстучали и ящик повозки.

Я заново осмотрел кипу вещей обоих путников в поисках хотя бы паспортов. Это были небольшие деревянные плитки с выжженным именем и фамилией человека, а еще – с печатью императорского чиновника. Во времена правления моего отца они были нужны, лишь когда требовалось доказательство истинности фамилии. Обычно в управе или в суде. Но раньше, согласно Кодексу Земли, каждый был обязан постоянно носить такую дощечку, привязанную ремешком к запястью или подвешенную на шею. Без этого, просто так ездить не разрешалось. На всякую поездку выдавали специальное разрешение. Я не знал, так ли все нынче. Вводит ли Ифрия старые обычаи, успела ли их реализовать. Не знал я также, касаются ли эти обычаи жрецов. Потому мне не нравилось, что нам придется их изображать. Слишком мало мы о них знали.

– Мы ведь не станем проводить обряды, – сказал Брус. – Речь идет только о переправе через мост.

– Ты сам сказал, что нам нужна легенда, – возразил я. – И как ты хочешь ее создать, если мы даже не знаем, как их зовут?

– Имена их амитрайские. Низшим кастам во времена Кодекса не позволялось носить фамилии – только имена. Но жрецы были вне каст. Как Освященные – они над всем. Мы используем амитрайские фамилии, например, Чугай Текедей и Харшил Акердим. Я знал двух с такими именами, и знаю, что они точно мертвы.

– Отчего они запрещают фамилии? Ведь таким образом лишь ввергают себя в хаос.

– Потому что это связывает людей с их предками и семьями. А семей быть не должно. Семья – зло, фамилия – тоже. Они лишь увеличивают человеческий эгоизм. Когда у тебя есть семья, ты заботишься о ней куда сильнее, чем об остальных, а ведь именно Мать устами жрецов решает, кто более важен, а кого нужно принести в жертву. Все дети принадлежат всем женщинам и Подземной, а отдельный человек ничего не значит. Важны лишь группы: дома, селения и так далее. Человек получал прозвище, которое умирало вместе с ним. Все должно стать единым, вспомни. Люди – тоже. К тому же, тогда нет необходимости их контролировать – только следить. Люди должны работать и сражаться ради Подземной Матери и вместе отдавать ей почести. Когда у тебя стадо овец, ты не даешь имя каждой. Следишь за всем стадом. Достаточно просто их считать. Имя нужно скакуну, собаке или леопарду. А здесь таких нет. Есть только овцы. Не раздумывай долго, Арджук. Слишком много думать – хорошо, когда ты находишься в безопасности и сидишь у очага с чашкой отвара. Теперь это вызвало бы в тебе лишь страх. Не знаю, отчего этот жрец странствовал в одиночестве. Может, здесь безопаснее, чем мы полагаем. Может, у него была некая миссия, и потому он желал пробраться незаметно,

не привлекая внимания. Может, он был дураком. Наша же цель – перебраться через мост, и только. Остальное – глупые подробности. Мы должны спрятать наши вещи. Когда уйдем достаточно далеко, жрец и его адепт исчезнут, а двое синдаров, возвращающихся в Камирсар, вновь отправятся своей дорогой.

– А легенда?

– Сейчас что-нибудь придумаем... – простонал он, взбираясь на сундук повозки и ошупывая козлы. Потянул за что-то, и вдруг раздался тихий щелчок.

– Я знал! – крикнул он с триумфом.

– Что? – спросил я.

– Тайник. Не хотел открываться ни вверх, ни снизу, ни спереди. Сиденье как сиденье. Но открывается назад.

– И что там находится, ситар Тендзин?

– Лучше сам посмотри, Арджук.

Внутри деревянных козел лежал красный плащ с капюшоном и маты для ночлега.

Я не понимал, что Брус, собственно, хотел мне показать, пока не увидел, что в свернутом плаще находится нечто тяжелое и пузатое.

Мы вынули сверток и осторожно его развернули: показался небольшой железный сундучок. К выпуклой крышке был привязан кованный и выкрашенный в красное символ странной формы. Ремешок, с каждой стороны завершавшийся полукруглыми крюками, посередине перетянутый тремя короткими веревочками. Сундучок был дополнительно обернут толстым красным шелковым шнуром, а все сложные узлы оказались запечатаны воском, на котором был оттиснут такой же знак.

– Откроем? – спросил я.

– Ни в коем случае, – решительно провозгласил Брус. – У нас есть легенда. Это – посылка, и это – важная посылка. Я готов поспорить, Арджук, что за полдня перед нами этой дорогой проехал большой окованный дорожный фургон, истинный дом на шести колесах, запряженный восемью огромными жеребцами, а сопровождал их, как минимум, хон конных лучников с флажками храма Подземной Матери на спине да человек двадцать адептов.

– А что было внутри?

– Несколько жрецов, может, адептки или адепты для компании, корзины с едой, духи, опахала и муслин. И точно такая же шкатулка, наполненная песком. Настоящая посылка – здесь.

Я раздраженно фыркнул.

– Ты должен был придумать легенду для стражников на мосту, а не для меня. Может, там просто запас запретного пальмового вина для жреца?

Он покачал головой.

– Знаю, что когда в опасные времена собираются переслать нечто важное, так и поступают. Иногда так перевозят даже важных персон. Вооруженный конвой отвлекает внимание, а в это время княгиня едет в сельской одежке. Не знаю, так ли было на этот раз. Но знаю, что так могло случиться – и мы станем вести себя, словно все так и есть. Этот символ может иметь значение. Что он тебе напоминает?

Я пожал плечами.

– Ничего. Может, колючую ветвь? Станный кузнечный инструмент? Какая-то гребенка?

– А если бы он мог двигаться?

Я взглянул снова.

– Ядовитая сколопендра!

– Именно! Я тоже это заметил. А сколопендра означает опасность, нечто ядовитое или ужасное. То, что вызывает страх. Она – на печатях, сундуке и на груди у жреца. Обычно у них есть это, – показал один из золотых амулетов, содранных с шеи мертвеца. Круг с малым тре-

угольником посередине, от которого отходит тонкий золотой прут, чуть выступающий наружу. В последнее время я частенько видел этот знак. Его рисовали на стенах, вырезали на груди трупов, что находили на улицах с рассветом. Поспешно рисуемый углем или клинком, он был лишь кругом с рискою, но я все равно его узнал. Подземное Лоно. Я сглотнул. Перед моим внутренним взором вновь явился пылающий город. «Глядите в пустыню! Пламя близится!».

– Но у этого было и еще кое-что, взгляни. Точно такая же, как на сундуке. Железная сколопендра. И почему она на такой длинной цепочке? Смотри.

Брус повесил амулет на шею и спрятал его под кафтан.

– Знак этот, похоже, не должен быть замечен – в отличие от остальных. Он даже не золотой, а железный. Но когда нужно, его легко достать и показать, не сходя с повозки. О, да. Полагаю, что если покажу его любому командиру стражи на мосту, мы перейдем без вопросов.

Я не чувствовал себя убежденным, но другого выхода не было. Я присел подле разложенной на плаще добычи – той самой, что мы сняли с обоих странников. Мы так мало знали. А ведь, в случае чего, резня раскроется. Хватит одного неосторожного слова.

Брус крутил в руках богатые сложные одежды, пытаясь сообразить, как их носить. И размышляя, что будет, если мы наденем что-то неправильно, навыворот или вверх ногами.

– Это просто малое поселение и один мост, – успокаивающе повторил Брус, будто прочтя мои мысли.

Станный, лишенный одного рукава кафтан адепта, открывавший левое предплечье, имел за пазухой глубокий карман, в котором я отыскал костяную ложку и небольшую дощечку с пропущенным сквозь нее ремешком.

– Адепта звали Агирен Кысальдым, – сказал я. – Странно. Что за имя «Прыщавый»? А фамилия – как название поселения. Кто же зовется «Солнечные Хаты»?

– Потому что он был овцой, – заявил Брус, надевая штаны. – Животных ты тоже называешь, исходя из того, что сразу бросается в глаза, так их имена проще запомнить. У одного – вислое ухо, и ты зовешь его Вислоухом, у второго – пятно на спине, и потому он Пятнаш. Этот был прыщавым. А Кысальдым – наверняка кишлак, из которого он происходил. Доживи он до инициации, получил бы, как жрец, новое имя. По крайней мере, мы знаем, как тебя зовут. У жреца таблички не нашлось. У него была личная печать, но на ней виден только знак. Водяная черепашка. Умеешь ли ты говорить на Языке Единства?

Я вздохнул.

– Немного... – начал неуверенно, но Брус покачал головой.

– Немного будет недостаточно. Ты не можешь ошибиться. А потому притворишься немым дурачком.

Я приподнял брови.

– Просто бессмысленно улыбайся, верти головой по сторонам и время от времени невразумительно бормочи. Я же займусь прочим.

Се я. Владыка Тигриного Трона, Пламенный Штандарт, Господин Мира и Первый Всадник. Держащий вожжи, шагающий подле повозки с лысой, поцарапанной башкой, Прыщавый из Кысальдыма, адепт Подземной Матери. Тронутый разумом немой.

Се я.

* * *

Таким образом я оказался на дороге, глотая пыль, глядя на задницы ослов и на приближающийся город. Держа вожжи, я старался успокоить учащенное дыхание, а мой желудок скручивался болезненным узлом. И я не знал, от голода ли, от испуга или от того и другого одновременно.

Прежде чем мы вернулись на тракт, Брус приказал мне сходить в кусты и очистить брюхо.

– Всегда старайся делать так, когда знаешь, что тебя может ждать схватка или нечто опасное. Это слегка помогает, а в случае чего позволяет сохранить лицо. Я видел людей, которые, несмотря на то что умело сражались, даже не замечали, как ходили под себя от одного вида врага. Так случается частенько, хотя ветераны и вожди стараются о таком не вспоминать.

Теперь, идя трактом, я чувствовал благодарность за этот совет.

Обычно перед городом располагается базар. Перед любым поселением на дороге ведется торговля. Странствующим купцам нужны еда, фураж, загородка для животных и место для постоя, а взамен они охотно продадут часть товара. Некоторые погонщики ведут собственные дела, и порой это их единственная плата за провод каравана повозок и выючных животных. Благодаря этому городам на путях есть с чего жить.

Но не сейчас. Базар был пуст и безлюден; лавки, похожие на глинобитные домики, стояли с забитыми досками окнами, а перед колодцем тянулась длинная очередь из путников с разнообразными сосудами в руках. Но никто не черпал воду. У колодца стояли на страже двое воинов в бурых куртках, с копьями в руках. Они носили толстые кожаные доспехи, настолько запыленные, что я не смог различить цвет тимена. Никто не спорил, никто не хотел узнать, отчего нельзя черпать или покупать воду. Ждущие даже не разговаривали. Сидели на корточках или стояли, все в кафтанах и юбках кастовых цветов, обычно бурых, серых и бронзовых. Хируки, карахимы и ударайи. Ближе к колодцу виднелось несколько желтых кафтанов синдаров, но и они не наполняли свои емкости. Над площадью висела мертвая тишина: раздавалось только жужжанье мух. Сидящие казались совершенно равнодушными, а когда мы проезжали мимо, один из парней свалился и лежал в пыли, но никто не наклонился, чтобы ему помочь. Он просто лежал, а по его босым ногам ползали мухи. Я заметил, что в очереди к колодцу стоят исключительно мужчины.

Постоялые дворы и загоны для животных тоже выглядели запертыми, хотя мы повстречали немалое число бредущих по улицам странников. Мы миновали с десяток-другой хируков с головами, повязанными идентичными платками. Их старший в дорожной шляпе на голове нес привязанную к поясу палицу с флажком, на котором было написано: «Восемнадцать селян из Кагардыма, работающих во имя Матери. Пусть все станет единым».

Слова располагались одно под другим, флажок хлопал, и я приостановился, чтобы прочесть надпись. Тогда Брус хлестнул меня прутом. Я непроизвольно взглянул на него и увидел лишь собственное отражение в зеркальной маске жреца. В отверстиях маски почивала непроницаемая тьма.

Я не понимал, что именно вижу. Властители порой требуют глупых вещей, но всегда ради чего-то. А то, что я видел здесь, казалось исключительно странным и неуместным.

Через некоторое время я увидел больше таких флажков на спинах путников и перестал чему-либо удивляться. Напротив, ждал, что вот-вот увижу кого-то с вьющейся на ветру надписью: «Овца из Аширдыма, идущая по надобности. Пусть все станет единым».

У убитого нами жреца подобного флажка не было, что означало, что не все должны их носить.

Медленно бредущая вереница путников казалась единственным проявлением движения в поселке. Я глядел на затворенные ставни лавок и постоянных дворов, видел следы от сбитых вывесок с названиями. Пыльные улочки пугали пустотой, ветер гонял здесь лишь мусор. Но не было и следа битв. Ничего не сожжено и не разрушено, на желтых глиняных стенах нет брызг крови.

Город должен с чего-то жить. В городах не бывает полей или стад. Как они хотят получать налоги, если ничего не делается? Не виднелось ни одной вывески, только голые, выжженные солнцем стены. Где что-нибудь съесть? Где подлатать или купить сапоги? Откуда взять еду? Как найти дом лекаря?

Были лишь мертвые, заслоненные жалюзи окна, пыль и жара.

И густеющая толпа, бредущая в странном молчании, улицей, которая пересекала город и вела к мосту. На другую сторону реки Фигисс. К дороге. К свободе.

Бредущие вперед люди не были обычными странниками. Они не ехали по делам, не отправились посетить друзей и близких, не искали себе новое место. Эти люди убежали.

Женщины, мужчины, дети. Толкали груженные повозки, волокли тюки и корзины. Вели животных. Несли то, что смогли спешно упаковать. Случайные, порой неуместные вещи. Котелок, миска, мешочек дурры, но и сломанный зонт, раскрашенную противосолнечную ширму, какие-то сапоги, тряпки. У одного мужчины не было ни мата для ночлега, ни миски, зато он тащил на спине корзину, полную свитков.

Тогда я не отдавал себе отчета, что именно так выглядит война. Где-то там идут битвы, льется кровь, слышны крики и звон стали, но все это временно. Войско марширует дорогами с одного места к другому. Кони ступают шагом, пехота волочит по жаре ноги, солдаты тащат не только щиты и копья, но и котелки, одеяла, запасные сапоги и лопаты. Миски и тряпки. За ними тянется вонь и рой мух.

Но этими же дорогами идет куда более густая толпа. С остатками скарба в корзинах, тысячи полунагих нищих бегут, куда глаза глядят. Как можно дальше от жрецов, императоров, командиров и их безумия. У них уже нет дома, мастерских, стад и полей. Только котелок, миска или фигурка со стола. Все идут с опущенными головами, даже младенцы и те не плачут. Слышны только кашель и шорох тысяч подошв.

Они расступались перед нашей повозкой с поникшими головами, откладывали на землю корзины и узлы, после чего преклоняли колени, прижавшись к земле и втыкая в пыль кулаки. Казалось, наша повозка подрубает им колени. Словно вокруг нее – некая зараза, валящая всех наземь. Однако когда повозка проезжала, болезнь отступала. Люди вставали и отправлялись дальше, в свой безнадежный поход в никуда.

Наша двуколка катилась сквозь толпу, пока мы не достигли площадки перед мостом. Некогда это была большая, округлая торговая площадь, куда сходились все дороги, ведущие сквозь город. Ее окружали постоянные дворы и караван-сарай, а в лавках можно было купить товары из самых дальних уголков империи.

Некогда.

Теперь посредине висел флажок с надписью: «Торговля – это алчность! Только Мать кормит своих детей! Пусть все станет единым», а лавки исчезли. Вместо этого там толклись беглецы, слышался плач детей и рев животных.

В империи Подземной Матери нельзя было и мост просто перейти. Везде клубились толпы, ожидая невесть чего. Ни зачерпнуть воды из колодца, ни перейти реку. Я не мог понять, почему так.

Мы неторопливо подъехали, рассекая толпу, что расступалась перед нашими онаграми и припадала к земле, словно трава на ветру, поднимаясь лишь в трех шагах позади нас.

Мост перегораживал поставленный поперек лагерный фургон. Тяжелый, из толстых балок и досок, с бортами, увешанными черно-зелеными лентами с узорами свернувшейся в спираль горной змеи – тридцатого тимена, называемого «Змеиным», – он преграждал часть дороги на мосту. Второй, точно такой же, стоял дальше, подвинутый ко второй балюстраде. Толпа беглецов, словно змея, вилась мимо одного и второго фургона, соблюдая дистанцию: людей разделяла пара шагов, остальные ждали перед строем солдат бесформенной массой.

Внизу Фигисс билась меж пены и скал, как рассерженная гадина.

Когда мы приближались к заставе, я чувствовал, как меня охватывает душная, ревушая тьма. Бедное мое сердце рвалось из груди, прыгало в горло, и мне казалось, что каждый его удар посылает в мои вены струи крови, рвущиеся и пенящиеся, будто река внизу.

Я был адептом Подземной Матери. Немым идиотом. Прыщавым дураком из Кысальдыма, взятым Освященным, который заметил в моем темном разуме редкий талант. Ведь Мать, ото-

брав у кого-то быстрый разум, зрение или речь, в щедрости своей часто одаряла его чем-то иным, во славу своего Подземного Лона, из которого все вышло и в которое все вернется, став единым. Может, я прекрасно пою, рисую или вышиваю?

Я, «Прыщавый» Агирен Кысальдым. Кузнец. Пусть все станет единым.

Я уже видел потные лица солдат, очерченные нащечниками из чешуйчатой кожи каменных волов. Раскрашенные черно-зелеными полосами копья, бодающие небо. Такого же цвета платок, повязанный на голове командира, его кожаный полупанцирь с наплечниками десятника. Между фургонами стояли три лошади группы преследования, но без всадников. Загонщики влезли на блокирующий дорогу фургон, откуда им открывался прекрасный вид, и расселись поудобнее, однако ни на миг не откладывали свои короткие клееные луки, из которых, говорили, они могли на скаку попасть в летящую птицу.

«Я не слишком хорошо разбираюсь в жречестве, – сказал ранее Брус, – но я разбираюсь в армии. На мосту будет стоять армия, а мы – не пустое место. Перейдем, Рыжая Голова. Доверься мне».

Некоторых из подходивших к заставе людей солдаты выводили на площадь, где им приказывали сесть к тесной и растущей группке, а их узелки кидали в увеличивающуюся кучу подле моста. Эта кипа нищего скарба пугала меня сильнее, чем группка подорожных, которых заставляли сидеть на корточках со сцепленными на затылке руками. Когда у людей так бесцеремонно отбирают последнее, это не предвещает ничего хорошего. Бедолага несет с собой все, что у него есть. И если узелок бросают в беспорядочную кучу, это воспринимается как злое: «Он тебе больше не понадобится».

Командир сидел на складном стуле за столиком, на котором стояли украшенная, распиленная живицей бутылка и оправленная в золото тыква для питья пальмового вина. Он обмахивался похожим на миску пехотным шлемом и уставшими глазами поглядывал на шедшую мимо толпу.

Мы пройдем. Это всего лишь армия. А мы принадлежим к Освященным. Слушаем доносящийся из-под земли голос Матери да ее Пророчицы, пришедшей из пустыни, неся истину. На груди Бруса висит железная сколопендра. Ключ, который отворит все двери на нашем пути. Мы возьмем сундук. Через мост. Далеко. В Кебзегар. Ко вратам Нахель Зима. На край света.

Наша повозка протиснулась сквозь толпу и приблизилась к заставе. Один из ослов, вытянув морду, понюхал бутылку на столике десятника.

Я молчал. Я – дурачок. «Прыщавый» Агирен. Едва умею говорить, да бормочу так, что меня понимает только мой господин.

Я бессмысленно зачмокал губами, словно что-то жевал, и сунул палец в нос. Желающие миновать мост подорожные стояли вокруг нас на коленях с опущенными головами.

Десятник поднял глаза и встретился взглядом с зеркальной маской жреца, посверкивающей, словно полная луна. Поднялся с кресла и прижал ко лбу кулак.

– Пусть все станет единым, – сказал он.

Когда Брус заговорил с кбзел, его жестяной, вибрирующий, как струны синтары, голос звучал чуждо и повелительно. В первый миг я не понял ни слова. Почесался под курткой, продолжая трудолюбиво копать в носу. Язык Единства – старый амитрайский. Его можно было понять, но у него была странная грамматика, и вот уже несколько поколений на нем говорили лишь жрецы.

– О, проклятые птицы военного насилия, что сдерживают Слово Матери в его дороге к сердцам потерянными. Для странствующего Слова поспешность – благословенная обязанность.

Так оно – примерно – звучало. Насколько я понял из горловых слогов древнего языка, Брус сказал десятнику, что он – курьер. И что он спешит.

Я понял – солдат нет. До него дошло только «проклятые птицы» и «война», а потому он принял это на свой счет и решил, что Брус его ругает.

– Господин, у нас просто приказ, значит, блокада на мосту. Прости, Освященный, значит, или, там, Освященная... Храм приказал... Прости, что не говорю с тобой на старом языке, я – из Насима...

Брус склонился с кбзел, вытащил из-под одежд амулет в виде железной сколопендры и протянул вперед. Его голос звучал будто скрип проржавевших ворот.

– Поспешность. Это важно. Отвори блокаду, хон-пахан.

Командир, отерши пот с лица, бросил через плечо приказ. Загонщики соскочили с фургона и, упершись в тяжелые борта, перекатали его в сторону. Теперь оба фургона стояли по одной стороне, оставив узкий проезд, которым могла бы пройти наша двуколка. И тогда я увидел старуху.

Она сидела на табурете за фургоном, за ее спиной стояли два адепта: один – с зонтиком, второй – с соломенным опахалом. Она не носила жреческие одежды или зеркальную маску, только бесформенные бурые тряпки. Зато была ими плотно укутана, словно тряслась от холода.

Всякий, кто проходил сквозь заслон, у кого не отбирали узелок и пускали дорожкой между лагерными фургонами, подходил к ней, и тогда она поднимала лицо, на котором поблескивали мутные, покрытые золотистыми бельмами глаза, и касалась старческой ладонью их лиц. Ее губы двигались, точно старуха беспрестанно бормотала какие-то заклинания или молитвы.

Когда я ее увидел, почувствовал, что мое сердце расщедается, будто глиняный кувшин. Кувшин, наполненный страхом.

Ведающая.

Ведающая со слепыми глазами, такими же, как глаза убийцы, зарезавшего мою Ирису. Как глаза леопардов Пророчицы. Золотые бельма.

Что она увидит, прикоснувшись к моему лицу?

Ведающая встала с табурета и, поддерживаемая под локоть солдатом, похромала на левую половину моста. Адепты забрали зонтик и табурет, чтобы открыть нам проезд, а я вынул палец из носа и схватился за вожжи.

Колеса повозки поскрипывали.

Ведающая вдруг обернулась с задранной головой, как если бы приноживалась. А потом вырвала локоть у солдата и подняла руку с растопыренными пальцами, после чего двинулась прямо в нашу сторону, желая прикоснуться к моему лицу.

Брус повернулся к старухе, но его маска, подобная лужице ртути, не выражала ничего.

Я обмер.

Она была уже так близко, что я слышал ее беззубое бормотание, беспрестанно сочащееся из сморщенных губ.

«Глаз на ладони... Ладонь, глаз Матери... Мать чует... когда дитя лжет... Мать всегда знает...».

Я видел раскрытую ладонь Ведающей. Еще два шага, и она дотронется до моего лица.

Внизу яростно шумела река, металась между скалами, что напоминали ощеренные клыки.

Слишком высоко.

Слишком мелко.

Слишком много скал.

И прекрасно.

Я напряг мышцы.

И тогда раздался мрачный, протяжный рев рога. Он накатывался со стороны башни, торчащей над городком вроде гнилого зуба.

По ту сторону реки началось движение.

Солдаты, охранявшие противоположный берег, засуетились, фургоны, такие как тот, что стоял с нашей стороны, двинулись с мест, их перекатывали один за другим, были слышны крики командира, звон толстых цепей, которыми связывали повозки.

Мост закрыли.

Один из солдат вдруг вырос словно из-под земли на пути наших ослов, потом схватил одного из них за трензеля и дернул назад. Повозка остановилась.

– Прости, Освященный... или Освященная... Солнце заходит. Никто не может перейти мост после того, как прозвучит рог, – десятник стоял перед нами на коленях с кулаками, опертыми в песок и с опущенной головой.

– Проезд важен, – голос Бруса зазвенел, словно под маской заблудился шершень. – Неслыханная наглость! Должно тотчас открыть мост!

Старуха продолжала стоять с вытянутой рукой, но теперь нас разделяли солдаты, а она, казалось, позабыла, зачем шла. Только ее слепые глаза неотрывно глядели в меня: мутно, желтовато, невидяще.

– Это дурное время, Освященный... или Освященная. До ближайшего поселения далеко, ночь застанет вас в пути. Нельзя ночевать на дороге. Здесь полно преступников и предателей... Это приказ храма, господин. В смысле... или госпожа... Так, значит, говорит Мать. Вы должны идти в Башню. К Матери. Там вас примут на ночь, а утром отправитесь в дальнейшую дорогу, – приговаривал командир.

– Поспешность требует, чтобы другие вещи утратили свой вес, – запел Брус. – Пусть военные сопровождают Слово, если так гласит Приказ. Но пусть не удерживают его в пути.

Я окаменел. Брус, похоже, требовал эскорт. Я не знал, как мы управимся в сопровождении армии, но он, кажется полагал, что нам лучше изображать жрецов перед солдатами, чем перед другими жрецами. Я и сам уже не знал, что пугает меня больше: путешествие в сопровождении эскорта или ночлег в Красной Башне.

– Решение примет храм, – решительно произнес хон-пахан, поднимаясь с колен. – У меня свои приказы, пусть все станет единым.

Похоже, мы перебрали с настойчивостью. Мы свернули с моста прямо в собравшуюся на площади толпу, между пиками и шлемами солдат, в мертвый город.

Нам не показывали дорогу. Красная Башня вставала над каменными домами селения Аширдым, как огромное гнездо степных термитов. Потеряться было невозможно, хуже того – нельзя было даже делать вид, что ты потерялся.

Двое солдат устроили нам проход в море сидевших на корточках людей. Их грубо и бездушно сгоняли с дороги ударами древков и пинками, словно овец. Сразу за забитой площадью город будто вымер. Все двери и ставни затворены, нигде ни живой души. Солнце еще стояло высоко, но тени уже удлиннились и заполонили всю улицу. До сумерек оставался минимум час, но несмотря на это нам не позволили ехать дальше. Что же случилось с придорожными постоялыми дворами и местами постоя? Как функционирует транспорт, если всякому приходится ночевать в городе? А если оговоренный час застанет его вдали от селений, кто запретит ему странствовать дальше или ночевать у дороги?

Я не мог отвыкнуть от такого способа мышления. Сколько бы я ни сталкивался с новыми приказами, сразу представлял, как оно станет выглядеть в повседневности и к чему приведет. Ремень, мой учитель, был в этом нестигаем и объяснял, что каждый ребенок в определенном возрасте хотел бы исправить мир простыми приказами. Ребенок властителя – в том числе. Только он должен понимать, что всякий приказ обладает последствиями, о которых никто наперед не думает, или он может исполняться так или эдак. И что нет таких эдиктов, после которых солнце внезапно погаснет или река остановит свой бег. Оттого и приказы такие нельзя отдавать. Поэтому он неумолимо заставлял меня проверять, к чему мои идеи могут привести. «Не направляй ветер и не приказывай людям ходить на руках», – говаривал он. Это

означало, что есть вещи слишком большие и сложные, чтобы они могли меняться иначе, чем естественным путем, а еще – если эдикт непросто выполнить, подданные постараются его игнорировать, где возможно. И ничего с этим не поделаться, поскольку тут лежит предел власти. Вот только жрецы Подземной об этом будто не знали. И на каждом шагу я видел попытки направлять ветер и заставлять ходить на руках.

Я не должен так думать. Я не был ни наследником трона, ни, тем более, императором. Я был «Прыщавым» Агиреном. Дурачком, адептом великого жреца, сидящего надо мной на облучке. Меня охватила ярость, но я лишь вперил взгляд в собственные сандалии и полную мусора рыжую пыль улицы.

Когда наша повозка катилась по пустым улицам, на которых не было ничего, кроме мусора и распадающихся халуп из камня и самана, Брус поднял маску, показывая потное и красное от жары лицо. У маски было две части. Одна сидела на голове, вторая, с лицом, поднималась и опускалась в случае необходимости наподобие крышки.

Он набросил капюшон плаща и склонился ко мне с облучка.

– У нас нет выхода, – прошептал. – Мы – жрецы и нам следует идти в храм. Нигде более в городе мы не отыщем ночлега, не вызвав подозрений. Мы справимся. Помни нашу легенду и не бойся. Без этих одежд мы, полагаю, не перейдем через мост.

– Лучше было остаться в кустах при дороге, сын Полынника. Сбросим эти тряпки и переждем в закоулке, как обычные путники, – пробормотал я еле слышно, стараясь не повышать голос. Но я знал, что Брус прав. Только проход с помпой и в одеждах жрецов мог уберечь меня от прикосновения старухи на мосту. От смертельного касания ее пальцев и взгляда в глаза, прикрытые золотыми бельмами. «Ладонь, глаз Матери...»

Я вздрогнул, Брус отер со лба пот и с треском захлопнул маску. Его лицо снова исчезло под блестящей вытянутой личиной, не выражающей ничего.

Красная Башня стояла на большой округлой площади. Она была скверной. Я видал множество разнообразных храмов. Некоторые должны были пробуждать в верных набожный испуг, другие – вводить в возвышенное состояние духа, а некоторые – склонять к глубоким мыслям, столь же далеким от повседневных дел, как звездное летнее небо. Красная Башня выглядела как те странные каменные натёки, что мне приходилось видеть в пещерах и гротах. Широкая у основания, она сужалась кверху, увенчанная странными, высокими бланками, напоминавшими рога или клыки. Выглядела как нечто, выросшее само по себе, а не возведенное каменщиками, плотниками и архитекторами.

На площади царили хаос и толчея. Почти вся она была забита повозками, полными дурры, мекающими овцами и красными буйволами, среди которых ходили солдаты и разнообразнейшие люди в одеяниях множества каст.

Все улицы, ведущие к площади, были заперты армией и забиты толпой, которая в молчанье стояла и тарасилась на открывающееся зрелище. Овцы блеяли, крупная скотина отчаянно мычала, и не требовалось быть селянином, чтобы понять: вся эта живность долгие часы не получала питья.

Когда мы подъезжали, толпа медленно поворачивалась в нашу сторону и преклоняла колени. Как и при въезде в город, мы ехали улицей среди склоненных голов и хребтов.

Площадь защищала ошетиленная заостренными колыями деревянная ограда, с тыла подпертая упорами. Два солдата-пехотинца, стоящие по другую сторону, увидав нас, оттянули засеку в сторону и впустили повозку.

Сбоку возносилась голая глыба гарнизона, напротив – каменный храм Простирающего. По крайней мере, так мне казалось, поскольку все статуи были разбиты, а голова приязненного к людям гиганта лежала у подножия лестницы. На дверях был начертан знак Подземного Лона.

Я шел рядом с повозкой, ощущая странную усталость. Весь мой страх сгорел на мосту при виде старухи с протянутой рукой. Он сгорел, и мое тело внутри стало точно обугленным.

Казалось, что мне не под силу сделать очередной шаг. Я и правда желал одного: чтобы нас раскрыли и убили.

Я смотрел на огонь, что пылал у стены гарнизона, и на длинный хоровод людей, движущихся между строем солдат и бросающих в огонь свитки. Письма, повести, трактаты и поэмы. Те падали в гудящее пламя, а потом взлетали черными пылающими птицами.

Одни из свитков говорили об одном, другие – об ином. Одни прославляли, другие проклинали. Несли в себе сомнения, тоску, мечты. В Доме Стали мы полагали, что свитки ценнее золота. Что они содержат мысли и души тех, кто давным-давно ушел Дорогой Вверх, но продолжает петь, учить и удивлять. Что свитки живут. Дед мой призвал специальных чиновников, которым надлежало отдавать любой ненужный свиток, за исключением сугубо частных записок. Они решали, нужно их уничтожить или сохранить. За преднамеренное уничтожение свитков грозило пять лет галер.

А теперь все это шло в огонь. Зачем разносить жар в души? Зачем делать так, чтобы человек тосковал о недостижимом или невозможном? К чему восхищаться отдельными мыслями, а остальные встречать пожатием плеч? Лучше, чтобы все стало единым.

Есть только одна книга. Кодекс Земли. Там можно найти все, что важно, остальное пусть поглотит огонь. Есть лишь то, что сейчас – и перед носом. Есть приказания Матери и будущий мир, когда Та, Из Которой Все Вышло и В Которую Все Вернется, обретет свое наследство. Когда не будет уже ни дня, ни ночи, не будет женщин и мужчин, воды и огня – только единство. Все, что уводит мысли от этой цели, является сомнением, а потому идет в огонь.

Люди с охапками свитков носили на головах высокие шапки из тростниковой бумаги. Они шагали между рядами стражников, бросали свой груз в пламя и отходили в сторону, где их расставляли в растущей толпе. Шапки выглядели фиглярски и одновременно страшно. Я подумал, что их надели на головы людей насильно, как некий знак позора.

Дым от горящих свитков вставал над площадью, когда мы подходили к огромному, закругленному подножию храма. Все отверстия здесь были округлыми, в том числе красные, каменные двери, в которые мы въезжали. Были в них те же самые мягкие линии – чтобы напоминать о материнском лоне, но мне казалось, что они напоминают разверстную пасть. Стоявшие у дверей двое солдат расступились, а ворота распахнулись сами, словно ожидали нас.

Солдаты, охранявшие ворота, не носили черно-зеленые куртки «Змеинового» тимена или щиты со знаком святой змеи. Их одежды были цвета крови, а круглые, как у кебирейцев, щиты отмечены знаками Подземного Лона и маленькими двойными лунами вверху. Храм принялся создавать собственную армию.

Пока мы входили внутрь, я сжимал во вспотевшей ладони вожжи, чувствуя, как кровь молотит у меня в висках, и смотрел на свои сандалии. Врата словно поглощали нас, как будто вбирала нас сама Подземная Мать.

Я так много дней убегал от нее, а теперь входил в ее пределы.

Когда мы вошли, ударил холодный ветер, а небо затянуло тучами, как обычно бывает к вечеру в степных предгорьях Востока. Однако для меня это выглядело так, будто в миг, когда я переступил порог храма, свет погас.

За воротами я увидел еще одну площадь, а то, что считал куполом, было лишь стеной, склоненной, точно перевернутая и лишенная дна миска. Перед нами вставала еще одна выпуклая стена, а прямо впереди тянулась мощенная камнем дорога, ведущая сквозь линию округлых врат – в очередных стенах, друг за другом, а еще два коридора, что бежали в стороны, уходящие вдаль в мягкой кривизне. Внутренности храма были комбинацией спиральных лабиринтов.

Мы остановили повозку, не зная, что делать дальше. Врата перед нами были Вратами Тайн. Я вспоминал, как слушаю одним ухом туманные и противоречащие друг другу обрывки сведений, что доходили к нам о Культуре Праматери. Как я со скукой выношу звенящий, будто

оса, голос учителя и блуждаю взглядом по саду и плывущим по небу облакам, а думаю о ладонях Айины на моем теле. Был Внешний Храм – так называли все, что можно увидеть, не став посвященным. Ограниченные знания, предназначенные для обычных мужчин, законы Кодекса, принципы жизни, науки Паломников. А еще был таинственный мир только для избранных Освященных и женщин – Храм Внутренний. Какие-то жертвы, круги таинств, Врата Тайн. Все это начиналось здесь, куда мы вошли и о чем знали немного. Были здесь места, доступные некоторым мужчинам, неосвященным женщинам, Освященным, которых считали ни женщинами, ни мужчинами, но существами Единства, а также – для высших жриц, которых звали архиматронами. Куда мы имели право отправиться и как туда попасть, мы понятия не имели. Только-только прошли сквозь врата, и здесь наше знание закончилось. Храм окружал башню сложными кругами, а сама башня растягивалась вверх и вниз, под землю.

И мы точно не могли стоять на первом же подворье, словно ослы.

– Колесо! – прошипел Брус сквозь маску, не двигаясь с козел.

Я понял. Ухватился за борт повозки и, напрягая все силы, чуть приподнял ее, а потом пнул в пятку то самое колесо, которое нам уже приходилось однажды подправлять.

Мне показалось, что оно перекошилось – чуть-чуть. Брус едва заметным движением шлепнул осла тростью, и повозка дернулась вперед, захав обручем колеса на выступающий из мостовой камень. Раздался треск, колесо соскользнуло с оси, повозка накренилась и остановилась.

– Прыщавый осел! – заорал Брус из-за маски и хлестнул меня тростью. – Ты туп, как сын луны! Исправляй, дурак!

Мне оставалось только неловко крутиться вокруг повозки, ковыряя в носу и неумело дергая перекошившееся колесо. Теперь мы могли ждать в безопасности, пока что-нибудь произойдет.

Тот, кто к нам вышел, был высок – это все, что я мог о нем сказать. Одежды жрецов настолько сложны, что формы тела теряются в их складках, а округлое, жесткое от вышивки оплечье, выглядящее, словно переброшенный через плечи нагрудник в форме круга, не позволяет сказать, есть ли у человека грудь. Лицо скрыто маской. Но даже когда посланник заговорил с Брусом и повел нас сквозь Врата Тайн, где открыл лицо, я не мог понять, имеем мы дело с женщиной или с мужчиной. У этого человека была обрита голова, подкрашены красным губы, веки покрыты золотом и бирюзой. На лбу и щеках вытатуированы спирали. Лицо же Бруса выглядело нормально. Что хуже – оно носило следы с полей битв, щеку пересекал длинный шрам, а кожа обгорела на солнце. Его череп был покрыт царапинами от поспешного бритья. И у него не было татуировок. Он совсем не напоминал бледное подкрашенное существо, которое вело нас сквозь очередные врата. Потому он не снял маску. Я надеялся, что это посчитают лишь гордыней важного курьера, который презирает провинциальный храм.

– Удаление от повозки недолжно. В ней странствует Слово. Прерывание пути – тоже обещает проблемы, – пояснял Брус на горловом жаргоне Языка Единства еще до того, как мы двинулись, после чего сунул руку за пазуху за знаком сколопендры.

– Где же Слово быть в безопасности, как не в Доме Матери? – ответил жрец, складывая раскрашенные в спирали ладони и склоняя лысую голову. Его голос мог оказаться и высоким мужским, и низким женским. – Приказ будет отдан адептам. Повозка, животные и груз будут восприняты со всем уважением.

Однако Брус вынул сверток из тайника на козлах и отдал мне.

Сундучок был удивительно тяжелым для своих размеров и пугающе холодным. Даже сквозь плащ он кусал меня за кожу, словно ночь напролет лежал на морозе.

В старом языке нет слов «я», «ты», как «он» или «они». Не говорится на нем: «я голоден», но: «в эту пору дня чувствуется голод», или более решительно: «тот, кто не ел, чувствует голод». Легко ошибиться и непросто что-то сказать.

Брус старался, чтобы даже его руки – с обломанными ногтями, вьедшейся в кожу грязью дороги и неделями бесприютных скитаний, – оставались скрыты в рукавах.

Я также знал, что мы оба воняем. Уже не чувствовал этого, но иначе и быть не могло, раз нам было негде умыться. Мы мылись в последний раз, гостя у Лемеха, сына Корабела, амитрая, который изображал киренена. Но это было несколько дней назад.

– Во Внутренних Кругах в маске нет необходимости среди тех, кто повстречался, – холодно заметило сопровождавшее нас существо.

– Лицо одного не имеет значения. Один не существует. Важно Слово и его путь во славу Матери. Несчастный перерыв в пути должен быть коротким.

– Отдых в безопасном месте хорошо служит Слову, – ответил жрец. – Бережет его от зла, а тому, кто его ведет, позволяет удвоить усилия. Вода, одежды и пища – суть вещи, которые нужны, когда едетя сквозь разломанный мир, полный самовлюбленного зла и похоти.

Так мы болтали себе, идя вдоль вьющихся, словно змеи, искривленных стен. Несколько раз мы свернули в округлые переходы, ведущие в очередные коридоры, и мне стало ясно, что без помощи отсюда не выйти. Изгибающаяся, как горная река, полоска неба над головой оставалась все той же, а на стенах повторялись сходные узоры. Я не заметил ничего, что могло бы помочь найти обратную дорогу.

Однако я чувствовал, что кто-то здесь есть. Порой слышал сзади шаги и останавливался – тогда шаги смолкали. Я осматривался и краешком глаза мне удавалось поймать некое быстрое размазанное движение. Неясное пятно алого цвета, ничего более. Может, это был отблеск, а может – просто пятно в моих измученных страхом глазах; а может я слышал эхо, отражающееся от искривленных каменных стен?

Порой мелькали небольшие круглые подворья, а под кривыми стенами виднелись круглые входы в некие мрачные помещения, подобные малым пещерам. Мне казалось, что порой внутри нечто движется. Проводник указал нам на один из входов, легко поклонился и удалился.

Потолок оказался кривым, словно комната была положенной на бок бочкой. Посередине стояла новая железная печка, на каменном полу лежал толстый вышитый матрас.

Кроме того, я увидел еще маты, амитрайский столик из буйволового рога, такой низкий, что за ним приходилось сидеть на земле, а еще маленькую каменную статую Госпожи Страды. Танцующую беременную женщину с серпом и миской, лицом чудовища и головой, увенчанной чепцом из злаков. Она стояла в неглубокой стенной нише, освещенная масляной лампадкой.

Я положил на землю сундучок, завернутый в жесткий от холода плащ, и принялся массировать замерзшие, уставшие от усилий руки.

Брус влез в нишу через низкие дверки и тотчас пал на колени перед статуей.

Я открыл рот, но ничего не сумел сказать.

Услышал, как Брус бормочет, упирая кулаки в пол и уткнувшись лбом в камень.

– Мать... из которой все вышло и в которую все вернется. Ты, что рожаеть, ты, что кормишь, ты, что делишь, ты, что отбираешь. Все, что ни родишь, сама и пожрешь, ибо все есть твое. Лоно, вечный круг, цвет, плод и семя, начало и конец, сила Матери...

Я замер с полуоткрытым ртом. С лицом, какого не устыдился бы Агирен Кысальдым, прыщавый дурачок. Мы были здесь совершенно одни, в пустом помещении, подобном глиняной миске. Здесь не имелось даже углов, где что-то могло бы укрыться.

Я стоял на полу на коленях и глядел на моего соратника. Моего проводника и защитника. Смотрел, как он трижды прикасается лбом к полу, на коленях подползает к статуэтке и тянется к продолговатому, похожему на черное перо предмету в нише.

К небольшому ножу из черного обсидиана.

Я ничего не мог поделать – видел лишь коленопреклоненного, всего в складках алой материи жреца Подземной, скрытого под длинной маской, подобной голове серебряного шершня.

Я смотрел молча, чувствуя, как мороз, ожегший мои руки, волной разливается по всему телу, как ледяные иглы втыкаются в лицо и сердце.

Брус взял ножик и надрезал свой мизинец. Уронил три капли крови в миску в правой руке Госпожи Страды, после чего размазал алую жидкость по зубастому рту и по лону фигурки.

Он охранял меня. Убивал для меня. Вел сквозь страну, сожженную святым огнем. Отчего бы ему предать меня теперь? Я знал это, но все же недоверие разгоралось в моей душе и тлело. Словно искра во мху.

Брус отложил каменное острие, выпрямился и лишь теперь поднял и снял маску. Я увидел, как он, управляясь с ней, на миг сложил руку в кулак и дотронулся большим пальцем до уголка рта. На военном языке это означало «молчи!». Я почувствовал облегчение, но мой страх не исчез.

Брус вытащил из одежд платок и отер им залитое потом лицо.

Я сел и оперся о стену, а когда мой взгляд привык к полутьме нашей комнатки, увидел глиняный кувшин с водой.

Брус пнул меня в бок раньше, как я прикоснулся к его горлышку. Я свалился под стену, чувствуя, как треснули мои ребра; серебряный кубок покатился по полу.

– Не смей протягивать свои паршивые руки, сын луны! – рявкнул он. – Сколько времени должно пройти, пока я не выбью из тебя паршивый эгоизм твоего рода! Не смей тянуться первым! Кто пьет первым, паршивый пес?

Я взглянул на него, но разрубленное шрамом и опаленное солнцем лицо выражало исключительно ярость.

Некоторое время он шумно дышал, потом быстро взглянул вверх и по сторонам. Только на миг, а потом снова воткнул в меня черные безжалостные глаза.

– Сперва Мать, потом... э-э... архиматроны... потом существа освященные, потом, э-э-э... я, – пробормотал я голосом идиота, шмыгнув носом, стоя на коленях с кулаками на полу.

– Потом – дочери земли, пес! – рявкнул он. – И только затем такой пес, как ты! Только палка и может прояснить в твоём мутном лунном лбу, пусть все станет единым! И если ты еще раз произнесешь «я», вырву твой язык!

Он подошел к кувшину, поднял с пола кубок, налил в него воды. Сперва понюхал ее, потом смочил палец и прижал тот к своим губам. Затем коснулся воды кончиком языка и некоторое время ждал, прежде чем отпить малый глоток.

Наконец почти незаметно кивнул и, выпив весь кубок, бросил его мне под ноги.

Потом мы молча сидели под глиняным куполом кельи.

Брус вытер тряпкой внутренности своей маски, надел ее на голову, подняв лицевую часть. Сплел ноги, ладони положил на колени и прикрыл глаза.

Я сидел напротив него: собственно, полулежал на одном боку, поглядывая сквозь округлый вход на мощеную площадь.

Под наклонными стенами маячили темные круглые отверстия точно таких же келий, как наша, но я не мог ничего разглядеть. Казалось порой, что я вижу некое движение во тьме, но это мог быть и обман зрения.

Царила полнейшая тишина и мертвенность. Только небольшие зеленоватые птички прыгали по камням подворья.

Храм был старым. Старым и, кажется, до недавнего времени заброшенным. Слой побелки отвалился от каменных стен, лишай напелзали на поблекшие фрески, в некоторых коридорах еще валялись старые решетки и мусор. Как случилось, что пребывающий в упадке культ Праматери внезапно возродился? Как случилось, что мы не обращали на это внимания? У нас были Ведающие, сильнейшая в мире армия, шпионы и стратеги. Но хватило безумной пророчицы, полгода суши и одной ночи. Одной ночи, в которую все пало. Богатая, пульсиру-

ющая жизнью империя превратилась в мертвое поле боя. От всей Тигриной Империи остались лишь я и Брус. Ну, может, еще горсточка недобитков, прячущихся по лесам.

Да благородные безумцы, такие как Лемех, сын Корабела.

Я поймал себя на мысли, что предаюсь зряшным воспоминаниям. Расходуя жизненную энергию на пустые, болезненные размышления, которые мучают и ослабляют, но ничего не меняют к лучшему. У меня была крыша над головой. У меня всего-то болели ноги и бок – там, куда попал пинок Бруса. Я успокоил жажду, а из-за постоянного страха не чувствовал голода. Пока я не был и раскрыт. Оставался беглецом. И только. Потому интересоваться меня должны лишь дела беглеца. Душевные порывы, свойственные императорам, нужно оставить для императоров. Я ощущал себя адски уставшим, а потому мне надо бы поспать. Собраться с силами. Они понадобятся мне утром.

Я спал недолго и чутко, а потому вскочил, едва услышав эхо шагов. Приближались двое. Один – в деревянной обуви, второй – в мягких войлочных сапогах с ременной плетеной подошвой.

Когда я открыл глаза, на лице Бруса уже была маска, в остальном он сидел настолько же неподвижно, как прежде.

Бритый налысо мужчина в башмаках встал на колени перед нашей кельей и склонил голову. На нем была бурая одежда, напоминавшая мешок, а еще потрепанные штаны до коленей. Рядом с ним кто-то стоял, но я видел только маленькие стопы – может, женщины, а может, ребенка, да еще край красных одежд.

– Я принес еду и воду, освященное существо... мудростью Матери...

Он поставил на пол деревянный поднос в форме ящичка, вполз в келью и уставил низенький столик раскрашенными мисками и чарочками.

Я взглянул на стол. Миска вареных овощей, печеные пирожки катмуль, несколько коржиков хлеба, кубики фасолевого сыра, деревянные щипчики для еды.

Брус поднял миску с горячим овощным хишмишем и подsunул его под серебряные ноздри своей маски.

– Не употребляются тела детей земли, – в его голосе прорезалось отвращение. – Только Праматерь может их пожирать. В этой пище чувствуется присутствие тела рыбы и приправы. Грешные приправы, ослабляющие тело и дух, суть такой же грех для здоровья. Эта пища нечиста и должна быть забрана. Хлеба, сыра и воды хватит для подкрепления тела, а дух принадлежит Матери.

Он отставил миску, после чего нервно вынул платок и принялся вытирать пальцы, которых коснулся пар.

Второй пришелец, в одеяниях жреца, тот, от кого я видел лишь стопы, внезапно пнул стоящего на коленях слугу в бок. Я услышал глухой стук и сдавленный стон.

– Лунные козлы! Ты перепутал миски, вонючка! Ты опозорил храм!

Пришелец пал на колени с кулаками на брусчатке рядом с корчащимся от боли стариком и склонил бритую маленькую голову. Одно плечо у него было обнажено, а на челе был начертан красный знак: раздвоенная линия, что заканчивалась спиралями-близнецами. Поднял лицо. Я увидел глаза, форму губ и бровей и решил, что это, скорее всего, девушка. Адептка. В ее чертах было нечто беспокойно знакомое, но я не мог понять, что именно.

– Непростительно! Случилось нечто позорное! – кричала она. – Слуги войны могут порой получать живое тело в пище, это позволяют приказания пророчицы. Эта крыса перепутал миски и принес нечистую пищу, предназначенную для лунных псов. Его постигнет суровое наказание, пусть все станет единым!

– Хлеб, сыр и вода, – повторил Брус. – Остальное должно забрать.

Мы остались одни, все так же не говоря ни слова. Я запомнил лекцию, которой Брус меня оделил, когда я пытался напиться, а потому не пошевелился.

Брус произнес короткую благодарственную молитву, после чего повторил все, что делал ранее с водой. Притронулся к губам кусочком хлеба, через некоторое время прожевал маленький кусочек и выплюнул его на ладонь, затем, подождав еще немного, оторвал кусок, который решился съесть. Я подумал, что таким образом он проверяет, не отравлена ли пища. Может, это и было действительно, но я решил, что он тут перебирает лишку. Как и с тем, что отослал прочь тушеные овощи и пирожки. Раз уж нас угостили, я бы охотно съел не только хлеба с водой.

Я смотрел, как Брус неспешно ест, а потом кладет остатки на тарелку и подталкивает ее в моем направлении. Я съел сухой хлеб, кислый фасолевый сыр с острым неприятным запахом и выпил кубок воды. Я все еще не ощущал голода и надеялся, что ничего не случится. Что нам позволят сидеть до утра, а после выпустят в дальнейшую дорогу.

Однако прошло немного времени, и я снова услышал шорох ног по камням: кто-то приблизился. Тот самый жрец, который привел нас сквозь ворота. Похоже, им здесь непросто найти для себя занятие.

Существо с раскрашенным лицом встало на колени перед низким входом, полностью его закрыв.

– Вскоре Мать поглотит солнце, – заявило. – Рога проревут Хор Тьмы. Придет время вечернего жертвоприношения. Обычай наш таков, чтобы проводила его жреческая персона, которую мы дарим приютом. Это будет честь для Башни.

Я омертвел.

Брус мог знать несколько случайных молитв, но откуда бы ему знать, как проводить обряды? Я понял, что теперь у нас точно нет и шанса. Подходя так близко к обиталищу Подземной Матери, мы привлекли бы ее внимание. Не справились бы. Не тут, под ее носом.

– Странствующий не обладает нынче достаточно чистым духом, чтобы сойти в святой санктуарий, – заявил Брус суровым, скрежещущим голосом.

– Кто распознает грех даже в миске, – тот достаточно чист, чтобы вынести встречу с божеством, – холодно ответил жрец, и на этот раз мне показалось, что он – мужчина. – Когда раздастся призыв Матери, нельзя, чтобы ожидание длилось слишком долго.

Брус медленно встал, словно на его спине лежала корзина с камнями.

– Агирен, никуда не уходи, – сказал он на нормальном языке. – Стереги Слово.

Я понял, что должен бежать. Только как? Через лабиринт у стоп башни, сквозь запертые ворота? И как бы я потом пересек мост? Имея на себе лишь одеяния адепта? Наши корзины с одеждой и пищей, наши посохи шпиона и все остальное – лежат в повозке. И что же, мне оставлять Бруса на милость храма?

– Место адепта – подле его мастера, – заявил жрец. – Надлежит ли назначить иного? Как тогда совершится жертвоприношение?

Так все и решилось. Нам пришлось снова войти в лабиринт склоненных стен и отправиться путаницей коридоров в неизвестность.

Однако на этот раз мы отправились иной дорогой, поскольку быстро оказались во внешнем дворе, что окружал башню и лабиринт. Здесь стояла толпа. Женщины в кастовых, многослойных платьях, сбитые в шумную группку. Одни чего-то ждали, другие, похоже, чего-то требовали. Некоторые сидели под стенами, скрючившись, порой с опущенными головами. Одни выглядели возбужденными, другие – отчаявшимися.

Я полагал, что внутренние пространства покинуты и едва ли не безлюдны. Я привык к пустым, вьющимся коридорам, наполненным лишь тенями да эхом. Мне казалось, что толпы остались снаружи, на площади, за воротами башни.

Мы шли сквозь толпу, но тут никто не падал пред нами на колени. Женщины протягивали руки и либо касались наших одежд, либо пытались поймать их скрюченными пальцами. Чего-то они от нас хотели, но в общем шуме было не разобрать, чего именно.

– Его зовут Алтай Кирдигал! Мы должны добраться в горы, к нашей семье! Мы из Ахардыма! Отдайте мне мужа! Он ничего не сделал! Алтай Кирдигал!

– Впустите нас к архиматроне! Мы хотим говорить с Матерью!

– Отдайте мне сына! Тугалай Меррек! Он хороший! Это послушный парень! Позвольте мне с ним поговорить! Он больной! Не может носить камни!

– Мать! Благословения больной! Проведите меня к архиматроне.

Ведущее нас существо шло сквозь толпу молча и неудержимо, отбрасывая тянущиеся со всех сторон руки, а мы брели следом.

Женщины остались позади, мы же прошли сквозь округлые ворота, попав на очередное узкое подворье, кольцом опоясывающее башню. Я подумал, что надобно убить этого жреца и бежать. Лучше всего – сейчас же. Чем дальше и глубже мы входим, тем сложнее будет выбраться. Однако Брус шел рядом совершенно спокойно. Я не знал, каковы его намерения, но приходилось ему доверять.

На втором подворье нам тоже встречались люди. Они сидели под наклонной стеной, на каменных ступенях, окружающих площадку с разбитым пересохшим фонтаном.

Все в бирюзовых и карминовых одеяниях афраимов и аразимов, с капюшонами на головах. Несмотря на богатые одеяния, они выглядели уставшими и помятыми, будто сидели здесь долгие часы. Увидав нас, встали с фонтана и каменных лавок под стенами, а потом пали на колени, упираясь в булыжники кулаками. Проводник наш вышагивал энергично и, похоже, не имел намерения останавливаться. Мы просто сокращали дорогу через эту площадь. Однако коленопреклоненные не дрогнули. Не поднялись с колен, преградив нам дорогу баррикадой склоненных, обтянутых сверкающим бирюзовым либо алым шелком спин. Жрец остановился и просопел с яростью сквозь маску:

– Это непозволительно! – рявкнул. – Проход!

Один из мужчин неторопливо поднялся. Он был мощным и кряжистым, обладал широким амитрайским лицом, теперь красным и залитым потом, а еще у него были сияющие синевой, непроницаемые глаза. Щеки пересекали косые полосы афраимской татуировки.

– Я – Фардих анх Сабалай из рода Чиндегая, из племени афраев. Мы ждем здесь в покорности уже второй день без воды и еды, посланные по приказу наших святых женщин. Род Чиндегая уже десять раз по десять поколений хранит поля храма Праматери, от реки до самых горелых взгорий. Матери рода стоящего рядом, Мерадуга анх Ургатала из рода тагалаев, окружали опекой стада Праматери – пять раз по тысяче овец. У нас есть печати. У нас есть железные знаки. Проклятая чужеземная династия пала, и плоды Матери возвращаются в ее владение, пока все не станет единым. Мы ждем уже второй день, но у благородной архиматроны нет для нас времени. Животные на полях умирают. Слуги войны не умеют о них позаботиться. Овцы ломают ноги. Животинка мрет от жажды! Дурра лежит в скирдах и влечет к себе крыс и насекомых. Молим тебя, освященное существо, передай наши покорные просьбы архиматроне. Пусть пришлет она нам слово истины. Позволь нам внести добро храма по нашим амбарам и скотным дворам, пока все не пропало!

– *Хара!* Молчать! – крикнул жрец. – Скоро Праматерь поглотит солнце. Подземное Лоно голодно! Если проход не будет сделан тотчас, то ваша кровь накормит богиню! И так и будет, пусть все станет единым, если раздастся еще хоть слово сомнения!

– Мы послушны, – прошептал афраим и сошел с дороги, склоняя голову.

И мы отправились дальше, вышли в главный коридор, где перед нами открывались и позади нас закрывались Врата Тайн, расходясь в веретенообразных порталах. Все дальше и дальше. А я чувствовал, как с каждым разом, когда за нами затворяются кованые двери, во мне гаснет надежда. Чем дальше мы шли, тем темнее становилось. В коридоре плыл дым, я вдыхал запах трав и масел, а откуда-то снизу бил резкий, отвратительный запах падали. За третьими воротами уже не было наклонных стен и темнеющего неба над головой – только туннель.

Освещен он был моргающими лампами, чей свет ползал по каменным телам женских демонов, сплетенных в экстатическом танце. Призрачно отсвечивал на вытаращенных глазах, украшенных белыми перламутровыми раковинами, на кровавых зубах, подобных крюкам, нагих грудах и ногах. Казалось, по ним ползли огненные змеи.

Очередные ворота сомкнулись за нами, я слышал мрачное, низкое бурчание, словно во тьме вопили тысячи морских созданий. Звук тот переливался в воздухе и заставлял бурчать мой живот. Смерд сделался отчетливее.

Разошлись последние ворота. Железные, с заходящими друг за друга зубцами – словно вертикальная пасть. Звук разносился отовсюду, перекачивался, заставлял волоски у меня на загривке вставать дыбом. Я чувствовал, как мои ладони делаются влажными, как ноги наполняются жидким свинцом.

«Жизнь не имеет значения. Она – лишь миг, – подумал я. – Я пришел из ниоткуда и странствую в неизвестность. Есть только Дорога Вверх, где меня ждет встреча с Создателем. Дорога Вверх трудна, поскольку путь каменист. Есть только слезы и камень. Куда уходят все, туда пойду и я, поскольку там меня ждут. Затем я и иду, чтобы дойти. Дорога не важна. Дорога – просто мгновение».

Я произнес молитву за умерших, как солдат перед битвой. С этого момента я должен был считаться неживым, но это мне мало помогло.

Ремень учил концентрироваться на дыхании. Следить, чтобы воздух проходил сквозь тело. Учил, что страх рождается из мысли. А ведь важно лишь то, что ты видишь, а не то, что ты можешь увидеть. То, что происходит, а не то, что может произойти. Я сосредотачивался на дыхании и гасил мысли, в которых бился страх. Есть только сердце, мышцы и легкие.

Внутреннее пространство башни было большим, мрачным и круглым, словно перевернутая вверх дном миска, – но увенчанная шпилем. Оно вздымалось к небу, а мы стояли словно внутри огромной печи. Я взглянул и увидел у вершины крохотный кружок темнеющего неба – и тотчас попытался избавиться от мысли, что вижу его в последний раз.

Зал напоминал мрачную пещеру, освещенную лишь снопом света, падающим сквозь круглое окошко в стене башни – и тот пронизывал ее как копье, падая на неясный памятник из черного камня на дне башни. Круглая галерея, на которую мы вышли, была самой большой, но и над и под нами я видел их еще несколько. Со дна то поднимался, то спадал шум, наполняя помещение, словно густая жидкость. Казалось, что из моих ушей и глаз вот-вот польется кровь. Это было будто рык слона или жужжанье огромных, с вола, пчел в пустом дереве. Я уже встречал в своей жизни вещи, которые, чтобы их уразуметь, требовалось пережить, но о них было невозможно рассказать словами. И я знал, что этот звук никогда не забуду.

С темного дна пещеры шел влажный, подземный холод с привкусом трупного запаха. Этот смерд было невозможно ни с чем спутать, хоть он и не был слишком сильным.

Столп света делался все краснее. Отверстие было выполнено так, чтобы ловить свет заката и направлять его прямо на памятник. Кажется, была это большая фигура сидящей женщины, но я не мог различить точно. Отсветы ложились на нее кровавыми пятнами.

Мы не могли сбежать дорогой, которой пришли, потому что Врата Тайн за нами заперли. А потому придется пробираться темными коридорами на четвереньках и на ощупь. Двигаться, готовясь свалить любого, кто встанет на пути. Через минуту-другую начнется некий ритуал. Ритуал, в котором нам придется принимать участие, не зная, что нам должно во время него делать. Что хуже, это могли оказаться вещи, которых никто из людей не должен бы совершать. Мы должны накормить кровью статую? Что еще нужно сделать, чтобы выжить и выполнить последний приказ моего отца?

Сноп света покраснел и угас, и установилась внезапная тишина.

И мрак.

А потом загорелись круги ламп на галереях. Я увидел, как толкуются во тьме фигуры в свободных одеждах с капюшонами, едва заметные во тьме.

Я видел их на галереях и там, внизу, на дне пещеры.

Адское гудение раздалось вновь, но уже тише и ниже. Мне казалось, оно и тоскливое, и зловещее. Мрачная, дрожащая бессловесная песнь, наполняющая печалью и отчаянием. Как если бы она отравляла самоё душу.

На дне пещеры загорелось масло в трех огромных мисках, в каждой без труда можно было целиком поджарить барана.

Скульптура была огромной, и только сейчас я разглядел ее в подробностях. Никогда ранее я не видел изображений Подземной Матери. Видел лишь ее воплощение, что звалось Госпожой Страды. Или, возможно, то была ее дочь. Но Подземная уродиной не казалась. Огромная коленопреклоненная женщина с ласковым, улыбающимся лицом, волосами из цветов, веток и плодов. Между ее ногами дремал подземный мрак. На вытянутых руках она держала кувшин и плоды дурры, словно хотела вручить их своим детям. Та, из которой все вышло и в которую все вернется. Госпожа Урожая. Жизнедавица и Мать.

Трубы – если это были трубы, – смолкли.

А потом я увидел огоньки. Два ряда дрожащих язычков в ладонях фигур в капюшонах, которые вышли на дно пещеры из скрытых дверей и полукругом встали напротив статуи.

Я услышал песнь. Ласковую, пронзительную песнь об успокоении в объятиях матери. О справедливом сердце той, кто заботится о своих детях. Песнь, выводимую высокими голосами, столь прекрасную, что я ощутил, как слезятся мои глаза. От ласковых голосов девиц или детей у меня перехватило горло. Я ощутил себя уставшим, одиноким и обиженным. Жаждал покоя и ласки, тех, о каких пелось. Затосковал об ином мире, в котором нет необходимости ни за что сражаться, в котором ни с кем ничего не случается, но все получают из справедливых рук матери. Тепло и ласково, словно в моем детстве, проведенном в Доме Киновари, где не существует войны, крови и пыли.

Ведущий нас жрец потряс за плечо Бруса.

– Время, – сказал.

Я неохотно двинулся вперед. Мне ни за что не хотелось прекращать слушать.

Круг поющих одновременно склонился, поставив лампадки у своих ног, а потом одним движением отступил, расстегивая плащи, что стекли на землю. Я увидел маленькие фигурки, груди, безволосые лона. Увидел деликатный рисунок спиралей и кругов на их телах и свесился через каменную балюстраду. Но это продолжалось лишь миг.

– Пора! – рявкнул жрец еще раз и дернул меня за рукав.

Он повел нас вниз по отвесной каменной лестнице, где в нишах таился свет ламп. Я уже не боялся. Подумал, что мы спускаемся на дно пещеры, туда, где стоят девицы, и откуда все еще разносилась сладкая песнь. Я был наполовину без сознания и – уж не знаю, отчего, – теперь мне казалось, что мы справимся.

Помещение, в котором мы наконец оказались, от пещеры отделял только ряд колонн, испещренных умелым растительным орнаментом. Девицы издали мелодичный оклик, поднимая руки, а после повернулись вокруг себя.

Я остолбенел.

Показалось, что зрение меня подводит, что в мигающем свете, благоуханном дыму и в пятнах тени я приметил у некоторых танцовщиц мужские члены. Небольшие, безволосые и странные – но над ними были груди, подпрыгивающие в такт танцевальным движениям.

– Быстрее! – снова рявкнул проводник.

Колонны и скалы покрывали узоры. Цветы, ветки и плоды, переплетенные друг с другом. Вот только их не высекло долото каменщика.

Это были кости.

Череп, ребра, челюсти и позвонки, купно с костями рук и ног, выложенные так, что их было непросто различить. Виделись мастерски исполненные листья, кувшинки, лозы и плоды. До того момента, как я различил первый череп. Потом я разглядел и остальное.

Везде вокруг меня.

Песнь продолжала течь. Успокаивающая и прелестная.

Брус и жрец встали над каменным столом, на котором лежали в ряд кривые базальтовые ножи. Гладкие и поблескивающие, словно когти какой-то огромной твари, с резными костяными рукоятками.

– Быстрая милость, – проворчал жрец, словно о чем-то вспомнив. – Она нам понадобится, иначе не удастся закончить и до ночи.

Он положил на стол клевец. Оружие, подобное молоту на длинной рукояти, но с шипом вместо ударной части. Шип вырезали из такого же базальта, что и ножи. Строгого, твердого и поблескивающего, будто черное стекло.

Скрежет цепей и железа я услышал несмотря на песню, продолжавшую танцевать в воздухе.

Поднялась кованная из толстых прутьев решетка, что закрывала отверстие в стене рядом с нашей нишей.

И я увидел их.

Нагих мужчин, сбитых в тесную кучку, с поспешно и грубо обритыми головами – точно так же, как у меня с Брусом. Они стояли длинными рядами, зажатые между стенами, и могли идти только вперед, всякий – прижимаясь к спине предыдущего, за решетку, узким проходом, между двумя каменными стенами, что вели на середину пещеры.

Я видел, как они трясутся, кто-то что-то монотонно бормотал, кто-то плакал, кто-то громко и судорожно дышал. Одни мужчины, и всего одна-две женщины между ними. В тесноте, как буйволы в ограде, с большими, широко распахнутыми глазами. Старые, молодые, некоторые моложе меня.

Я услышал тонкий детский голос, который выводил тихонько:

– Нет... Еще нет... Еще немного... Прошу... Еще чуть-чуть... – и я превратился в лед. Взглянул на Бруса, но увидел только собственное отражение в зеркальной маске.

Он стоял неподвижно и даже не вздрогнул.

Я взглянул на его руку, высунувшуюся из рукава. Хотел убедиться, что она будет грязной и жилистой – или окажется изящной и разрисованной спиральями.

Они были сходного роста. Не ошибся ли я?

Я взглянул на железный крученный прут с посаженным на конце базальтовым зубом. Сумею ли я его схватить?

«Быстрая милость».

Через миг ее тебе дадут.

Брус продолжал стоять неподвижно. Намеревался ли он что-то делать в надежде, что сообразит, как поступать? А потом – убить тех несчастных, только бы избавить своего подопечного от проблем?

Я не хотел умирать, но не хотел и выжить такой-то ценой.

«Прости, отец, – начал я немо. – Знаю, что ты поймешь».

– Время! – рявкнул жрец жестяным голосом. – Ожидание недопустимо! Надлежит обнажиться! Тьможители сейчас будут введены. Время для гнева Матери! Время воздать за обиды мира!

Да.

Время для гнева.

Время.

Я зачерпнул воздуха, как учил меня мой Мастер Войны, разжег внутренний огонь внутри моего тела. Бросил туда всю усталость, страх, гнев и обиду, как если бы разжигал печь. А потом позволил, чтобы этот огонь наполнил мои вены.

– Есть дела поважнее! – раздался вдруг голос. Сильный женский голос. Я взглянул на дверь и увидел фигуру, облаченную в плащ с капюшоном. – Это обычная жертва. Пусть этим займутся те, кто должен. Те, кто идет, неся Слово, должны говорить.

Жрец медленно опустился на колени и уперся кулаками в пол.

– Архиматрона, *хафрам акидил!* Ты сказала истину, – произнес.

Брус тоже поклонился. Я пал на колени, будто ломая сталь, застывшую в моих суставах, упер кулаки в каменные плиты и коснулся лбом пола.

Огонь в моих венах загудел. Пылал в голове и подбрасывал мне образы. Короткие, горящие, как удары молнии. Прыжок, оправленная в кость рукоять клевца – в руке, короткий скрип железа, прямо в лысый, раскрашенный череп, прыжок на стол, нож в другой руке. И тотчас прыжок на лестницу, удар железом под колени и – ножом в глотку.

В жилу духа, что бьется сбоку на шее. Обсидиановый коготь, острый, словно обломок стекла, и твердый, точно алмаз. А потом – кто нас удержит, если мы поведем за собой архиматрону с клинком у горла?

Молния ударила и погасла, а я не сделал ничего из того, что пронеслось у меня в голове.

Когда мы шли каменными ступенями в свете лампадки, а потом – сквозь крутые коридоры, опутавшие башню, до меня еще доносилась сладкая песнь успокоения. Вскоре я перестал ее слышать, и тогда донесся первый отчаянный крик. Приглушенный, бьющийся где-то за стенами внутри башни.

Мы вышли наружу, в подступающие сумерки. На синем небе башня прокалывала тучи игольчатыми, подобными рогам стенами, а вокруг верхушки кружили вороны, словно клочья сажи от пылающих свитков.

Глава 3

Колдунья и драконы

*Лучше живым быть,
нежели мертвым;
живой – наживает;
для богатого пламя,
я видел, пылало,
но ждала его смерть.*

*Ездить может хромой,
безрукий – пасти,
сражаться – глухой;
даже слепец
до сожженья полезен —
что толку от трупа!*

Речи Высокого

Кожа Дейрдре гладка как пергамент. Бледная, почти белая, типичная для женщин народа, что веками обитает под хмурым небом, омываемая вечным дождем и овеваемая влажным морским ветром. У женщин, у которых, как у Дейрдре, волосы рыжи и блестят, словно полированная медная проволока, пигментация – не такая, как у остальных. Отсюда алебастровая, прозрачная кожа. Ей бы еще быть веснушчатой, но у нас есть генная инженерия. Потому у Дейрдре Маллиган не слишком много веснушек. Я исследую ее тело, легонько проходя губами по взгорьям и долинам. Дейрдре подобна своему острову. Гладкие равнины, ласковые холмы. Никаких горных хребтов, немного леса. На миниатюрном, залитом светом свечей теле нет ничего, что могло бы испортить его географию. Только мягкие взгорья и долины. Под тонкой, прозрачной кожей подрагивают небольшие, но крепкие мышцы, когда она шевелится в моих объятиях. Ее лицо – под моим, я смотрю в прищуренные, немигающие глаза, зеленые как Ирландия. Красивой формы капризные губы шевелятся рядом с моими. Я слышу вздох. Чувствую, как маленькие пальчики странствуют по моей спине и затылку.

– Проснись, Спящий-в-Древе, – стонет Дейрдре. – Уже пора.

Я гляжу на нее испуганно, прямо в птичьи глаза, желтые с круглым, будто отверстие ствола, зрачком. На поблескивающие черные перья и торчащий в небо раскрытый клюв, словно лезвия секатора. Перья заканчиваются на шее, дальше раскидывается гладкое тело, бледное и алебастровое, ирландское тело Дейрдре.

– Проснись! – каркает Дейрдре.

Я вскрикиваю.

Вскрикиваю с лицом, уткнутым в горячий пепел, под потоками ледяной воды. Вскрикиваю, лежа нагим среди камней и скал, слыша рев пламени. Давлюсь криком и плачем, словно новорожденный. Вскрикиваю, подавившись первыми вдохами пахнущего озоном воздуха. Рожденный деревом и молнией. Я – сама боль. Боль бытия. А потом остается лишь дождь, шипение гаснущего пламени, боль и ночь.

Просыпаюсь я от холода. И дрожи.

И осознания того, что я жив. А если жив, нельзя оставаться в неподвижности и бессмысленной тьме. Жизнь означает движение. Деяния. Я ощущаю всем телом камни и мокрый мох, на котором лежу. Мне неудобно. Это и значит, что я жив.

Я в своей жизни просыпался таким образом уже пару раз. Чаще всего – посреди больницы белизны. Удивленный, что продолжаю существовать, слабый и наполненный болью.

Но еще никогда не было так.

Я собираюсь, неловко и тяжело, словно бетонный голем. У меня щелкают зубы, ледяная дрожь пронзает до мозга костей. Лежу в странной позе, с выкрученными конечностями – тряпичная куколка. Я видал людей, которые лежат в подобных позах. Жертв взрывов. Сметенных ударной волной, вбитых в то, что оказалось на их пути, бесформенных, как смятая одежда. Однако я, похоже, цел и невредим.

В десятке метров дальше, посередине поляны, пылает огонь. Остатки моего ствола ярятся жаром и постреливают язычками пламени, что шипят под каплями дождя. Хорошо. Огонь – это огонь. Надо начать с тепла. Иначе все это кретинское чудо электрического воскрешения окажется зряшным из-за обычной гипотермии.

Мои мысли разбегаются во все стороны, будто стайка испуганных рыбок.

И только когда я приседаю около угольев выжженного ствола и протягиваю руки к теплу, начинаю собираться с мыслями.

Это я.

Я жив.

Или это очередной бред в довесок ко Гвару, пустыне, мастерской дядюшки Атилаайнена и вороноголовой Дейдрре.

Я сижу с протянутыми к угольям руками как неандерталец, позволяя теплу проходить сквозь мои ладони, охватывать грудную клетку и вливаться в ноги.

Моя кожа парит, словно в сауне, разодранные мысли медленно и несмело, одна за другой возвращаются, начиная опять собираться в стайку.

Это я. «Нижеследующим докладываю, что я снова существую».

Одежда порвалась. Все, что было на мне, включая сапоги. Пояс, кафтан, рубаха. Древо появилось изнутри. Древо, которое было мной. Тогда отчего я сижу перед огнем, который пожирает остатки ствола? Я был деревом, или дерево было мною? Что горит под моими руками? Вот вопрос, исчерпывающий список риторических дилемм нынешнего утра. Я и правда точно первобытный человек. Нагой и ошеломленный. У меня нет буквально ничего, даже огонь этот мне не принадлежит. Я думаю об оборудовании, которое осталось в доме Грюнальди. О Ядрани. Но и об одежде, мачете, одеялах, о множестве предметов, которые я оставил. Это не слишком далеко. Я должен добраться до Грюнальди. Самое большее – три дня пути. Вот только – пути в сапогах. Через долину, запертую городком, который я поджег, полным разъяренных Змеев. Потом – по скальной стене, на которой либо висит, либо нет моя веревка. И все это – гольшом.

Хорошего мало.

Все еще трясась от холода, я неуверенно поднимаюсь на ноги и обхожу пепелище, разыскивая остатки вещей. Какой-то сукин сын свистнул мой меч. Мой *синоби-кэн* от Nordland Aeronautics. Это я помню. Но были ли там и другие?

Потеря меча мучает меня так, будто с ним вместе исчезло что-то еще, словно забрали кого-то близкого. Он был с Земли. Из дома. Не сосчитать, сколько раз он спас мне жизнь. Не хочется прикидывать, какие у меня без него шансы добраться до следующего мерзкого туманного утра.

Я активирую цифрал. Просто так, чтобы помочь себе в поисках и почувствовать себя увереннее.

Активирую цифрал.

И ничего не происходит. Только кружится голова. И я чувствую, что внутри, впервые с очень давнего времени, появляется страх. Жуткий, подкашивающий страх, о котором я уже успел позабыть.

Это такое чувство, что я даже присаживаюсь на землю и на миг сворачиваюсь в клубок. Пытаюсь успокоиться и снова активировать свой бортовой компьютер – но он молчит. Мой паразитарный мозговой ангел молчит.

Меч – просто инструмент. А без цифрала от меня будто осталась половина.

И дело не в боевом режиме, без которого я все же имею, говоря статистически, шансы выйти живым из трех или четырех схваток из десяти. Но как теперь выглядит моя сопротивляемость, память, куда девались знания, полученные в ходе обучения?

Отчаяние и чувство бессилия заставляют меня трупом лежать на мху, свернувшись в клубок – и это продолжается минут двадцать. Потом я чувствую, как начинают давить камни, и что мокрый мох неудобен, что кусают муравьи.

Ладно, хватит.

Я встаю и еще раз обыскиваю поляну. Систематически и тщательно. Все пригодится. Каждый ошметок, каждая мелочь. Сперва я нахожу горсть золота. Отдельные монеты рассыпаны то тут, то там, в траве, лежат между камнями. Их немного. Главные запасы, ссыпанные в пояс с потайными кармашками, остались в сумках. У Грюнальди. Были тяжелы, как несчастье, да я и не собирался за покупками. Как раз золото мне нынче меньше всего необходимо. Будь у меня возможность вызвать такси и приказать отвезти меня прямо ко двору Грюнальди Последнее Слово – тогда конечно.

Я нахожу остатки пояса, клочья ткани, рваные фрагменты чего-то, что, полагаю, некогда было моим сапогом: теперь сапоги разбухли от влаги и ни на что не похожи. Я все время вспоминаю очередные утраченные мелочи, распиханные по карманам: перочинный нож. Складной ножичек со множеством инструментов и знатным клинком. Остатки припасов – несколько кусочков халвы и полосок мяса. Ложку. Трубку.

Моя трубка, кисет с табаком и пробойник. Кресало. Как жить без кресала?

Я ищу. Обхожу пепелище по спирали, обследую на четвереньках, систематически прочесывая пальцами траву, мох и камни. Меня по-прежнему бьет дрожь.

Стараюсь не думать о цифрале, холоде и пронизывающей меня слабости. У меня раскалывается голова и кровь пульсирует в висках. В грудной клетке стоит мерзкая, гнетущая боль. Там, где торчало копьё, виден неровный, продолговатый шрам, заросший слоями, как на древесном стволе. Не понимаю, почему я все еще жив. Наконечник был длинным, с ладонь, и прошил меня навывлет. Древко, вошедшее в грудь, тоже было сантиметров пять в диаметре. Ужас. Наверняка было повреждено сердце, пробита сердечная сумка, плевра, наверняка и ткань легких. Может – пробито ребро и уж точно проломлена лопатка. Не понимаю, откуда у той скотины столько сил. Может, меня сумела бы спасти медицинская группа, если бы оказалась точно на месте. Если бы меня сразу заморозили. Потом медэвак, и прямо в отделение интенсивной терапии. Возможно. Процентом тридцать шансов. Тем не менее, я, похоже, выздоровел.

Очередное чудо.

В траве снова замечаю металлический блеск, но это камешек, покрытый слюдой. Слюда. Золото дураков.

Я ищу дальше, прочесывая камни, под монотонное карканье, прошивающее серый воздух туманного утра. А позже отмечаю палочкой место, до которого я добрался, и возвращаюсь на пожарище, чтобы согреться. Увы, жара осталось всего ничего. Он едва переливается и шипит между угольями.

Часом позже я отыскиваю нож. Мой длинный нож в ножнах, пара к утраченному мечу. Он лежит метрах в десяти от пепелища, запутавшись в безлистые уже ветки одного из кустов. Я рыдаю от счастья, прижимая к себе нож, и в моей голове мелькает мысль, что, похоже, со мной что-то не так. Находка переламинает несчастливую полосу, и я быстро отыскиваю многое – клочки одежды, разодранную жилетку и, наконец, сагайдак с луком, что висит в ветвях. Немного, но, надеюсь, мне хватит. Лук, кажется, поврежден, но, думаю, его можно починить.

Я складываю все это в одном месте – нищенство, но лучше, чем ничего. Ведь у меня есть нож. А у человека, у которого есть нож, есть все. Имея нож, можно смастерить почти любой необходимый инструмент, оружие и даже укрытие. Можно рубить, резать, поддевать, пилить и копать. Нет более нужного инструмента, чем нож. Я знаю об этом хорошо, поскольку помню времена, когда власть запретила иметь ножи.

Уцелевший фрагмент кожаного жилета не велик, но его хватит на два примитивных мока-сина. Вырезаю ножом два куска кожи соответствующей формы, а потом ставлю на каждую ногу и обвожу углем. Это будет подошва. Потом должным образом подрезаю края и заворачиваю их на ноги, как учили на курсах.

Жаль жилет, но теперь у меня есть обувь. Я накладываю самые длинные фрагменты разорванного пояса на ствол и вырезаю ремешки. Не слишком длинные, но связываю их друг с другом и стягиваю мокасины, продергивая ремешок сквозь проверченные ножом дырочки в коже.

Работая, я то и дело отчаянно пытаюсь активировать цифрал. Почти непроизвольно. Руки у меня трясутся. Я мокрый и замерзший. Следующая задача – чем-то прикрыться. Базовая проблема – одежда и укрытие. Не цифрал.

Я стою спиной к пожарищу, ровно так, как стоял в момент, когда за мной выросло дерево. Это легко. Достаточно развернуться так, чтобы вид, который почти выжжен у меня в мозгу, оказался перед моими глазами.

Два затуманенных хребта, что жмутся друг к другу, словно ягоды. Все те же рваные линии гор, затянутые голубоватой дымкой. Видные вдаль два пятна леса, взбирающегося по склонам, пылая царскими красками осени. Семьдесят три хвойных куста, скрученных, будто они вышли из-под рук мастера бонсай.

Да.

Так я стоял, когда мое тело взорвалось деревом.

Меч был за спиной. Разорвало португею, и меч полетел назад, туда, где его нашел тот проклятый щенок. Живой труп, который понятия не имеет, что он ходит по земле только из-за временных технических проблем.

Хотя тело с отсроченным приговором на шее. Вор, который осмелился обокрасть Древо.

Нож висел высоко слева, на бедре. Он полетел в сторону, определяемую моей левой рукой, прямо в те кусты. Расстояние – около десяти метров. Там я его отыскал. Кошель и ножны с перочинным ножом висели на поясе, чуть сзади, на правом бедре. Я отмерял расстояние шагами. На этот раз мне нет нужды обыскивать всю поляну, лишь треугольный фрагмент в том направлении, куда, предположительно, полетели мои вещи. То, что я заставил себя мыслить аналитически, вознаграждается: нахожу еще ложку и полу козуха. Кусок размером, может, с пару ладоней, но именно тот, который был для меня очень важен. Левая нога, в которой размещается потайной карман, где находится кисет с трубкой и горсткой табака. Экспериментальное зелье, купленное еще в Змеиной Глотке, пропало – и я не стану о нем плакать. Не могло пригодиться.

Я собираю охапку веток и бросаю ее в огонь, а потом сижу, попыхивая трубкой. Я возвращаю себе равновесие. Вот новое знание: в костер хворост нужно подбрасывать, а не стонать, что он прогорает. Человек постоянно учится. Облачко дыма, благовонно пахнущее сушеными сливами, просветляет мой разум, и я вдруг отчетливо осознаю свою глупость. Мне даже не хочется комментировать собственное состояние.

Я встаю и длинными шагами направляюсь туда, где произошла битва.

Люди Огня ушли живыми трупами, воскрешенными холодным туманом. Ушли, оставив лежащую на камне флягу, плащ того огромного воина, его шлем, все еще валяющийся на тропинке, но прежде всего – мечи. Два меча, невероятный я кретин.

Они коротковаты, качество клинков вызывает, скорее, мысль о садовом инвентаре, а не о произведении кузнечного искусства, и все же это – оружие.

Я поднимаю меч, принадлежавший первой жертве моего Нордланда. Оружие большого бородача. То самое, которое схватил воин, когда его клинок переломился от удара. И еще один, другого Человека Огня. Рядом с рукоятью по-прежнему лежит его рука, зеленоватая и покрытая муравьями.

Я подхожу к краю пропасти и нахожу запутавшийся в корнях плащ мальчишки. До него непросто дотянуться, но хватит малости скалолазания и длинной палки с сучком на конце.

Плащ Змея послужит мне, чтобы изготовить одежду. Простейшую в мире. Килт.

Хватит отрезать полоску соответствующей длины, обернуть бедра, перебросить через плечо и укрепить ремешком от фляги. Остаток плаща я режу, посередине проделываю треугольное отверстие, куда засовываю голову, и импровизированную – под пончо – блузу связываю под мышками кусочками ремня. Плащ огромного воина великоват и из хорошей ткани, а потому я набрасываю его на спину. Все тряпки, которые у меня на теле, жестки от ледяной влаги. К тому же плащ обоссан волком.

И, естественно, я забираю осиротевшую стрелу, воткнувшуюся в ствол, а еще – шлем бородача.

Базовым приготовлением к искусству выживания является так называемый «тест кирпича». Умение придумать, что можно сделать с любым случайным предметом, например, с кирпичом – кроме строительства домов, ясное дело. Такой шлем – одновременно котелок, подручная наковальня, таз, примитивный щит, кастет, маска, непромокаемая шляпа и так далее. Достаточно подумать.

Я забираю даже клочья тряпок и фрагменты пояса, из которых нарезаю ремешки. Из кусочка голенища делаю мешочек, в котором размещаю все находки, и привязываю его – наискось – через грудь.

А потом ухожу.

Схожу тропкой, что ведет вниз, на север. К Земле Огня.

Я ухожу, даже взглядом не попрощавшись с прижавшимися друг к другу вершинами, презрев собственные экспрессивные памятники и деревья, что напоминают выгнутые фигуры Драккайненов, замерших в танце святого Витта. Оскальзываюсь на мокрых камнях, спотыкаюсь о корни. Я одет в лохмотья, но жив.

Я слаб как младенец, меня сотрясает дрожь, я умираю от голода. Но я жив.

Я жив и еще посражаюсь.

На дно долины, к шумящему между хвойными кустами и скалами потоку я схожу больше часа и едва держусь на ногах. Пью воду – на четвереньках, словно конь, осторожно, чтобы не вызвать заворот кишок. Вода ледяная, и судороги сотрясают мои внутренности, пустой желудок выворачивается, я едва сдерживаю рвоту. Плещу в лицо и некоторое время сижу на мху, дожидаясь, пока дыхание выровняется.

Я все еще ощущаю направления в голове или это иллюзия? Мне кажется, я знаю, где находится страна Людей Огня, где стоит адский босховский Диснейленд, возведенный ван Дикеном, и где высится его безумный Замок Шипа. Вот только это может быть иллюзия. Я не могу активировать цифрал. Опасаюсь, что тот остался в дереве. В том дереве, которое было мною. Может, его сожгла молния? Откуда мне знать, какова механика гребаного чуда?

Потом я иду по течению ручья, дном долины, среди встающих по сторонам скал, среди мороси и – порой – криков воронов.

Иду.

Первых людей я встречаю около полудня. Мертвых.

Сперва я вижу волка. Он серый и огромный, напоминает теленка. У него пологая спина, зад низкий, как у гиены, но спина и затылок – высотой метра полтора. Каждая лапа толщиной с мое бедро.

Я делаюсь неподвижен, медленно опускаю ладонь на сагайдак, но вспоминаю, что лук поврежден, и у меня – всего одна стрела. Взрыв, превративший меня в дерево, сбил ролики, переменял натяжение тетивы; в луке, полагаю, сбит прицел. Потому я отвожу руку и тянусь за мечами. Стою и внимательно наблюдаю, с руками, скрещенными на рукоятках. И жду.

Волк что-то рвет – застрявшее между камнями, придерживая лапой, а потом вдруг поднимает огромную башку, ставит торчком треугольные уши. Шерсть его встает дыбом, на спине, словно у ехидны, поднимается несколько вертикальных игл.

Чудовище.

«Волк» – звучит хорошо, но скотинка весит за триста кило. Его череп – полметра длиной.

Из пасти свисает кусок мяса, оторванный миг назад. Но на нем, поспешно проглатываемом, не видно меха. Он покрыт гладкой золотистой кожей.

Волчара приподнимает губу и показывает мне зубы. Обнажает клыки размером с долото, а те, что поменьше, – с мой большой палец. Весь гарнитур поблескивает под сморщенной верхней губой, из его горла начинает вырываться мягкое рычание, которое больше напоминает львиный рык.

Я стою неподвижно, отчаянно пытаюсь активировать цифрал, хотя мало что выходит. Непросто объяснить, как он работает. В нормальном человеческом организме, пожалуй, ничего не включается по желанию. Вот и обслуживание цифрала – инстинктивное. Происходит само по себе. Нет необходимости ни в заклинаниях, ни в усилиях. Он действует естественно, как гнев или печаль. И все же я напрягаюсь, мои мышцы подрагивают. Я сцепляю зубы, словно могу заставить свой мозг выйти на более высокие обороты.

Волк без усилия, пружинисто соскакивает между скалами и поворачивается в мою сторону, его рычание я ощущаю грудиной, все еще бессильно пытаюсь войти в боевой режим – словно бы отчаянно нажимая на мертвый выключатель.

Он глядит на меня исподлобья, демонстрируя белый частокол зубов; его глаза гипнотически горят грязным янтарем.

Я гляжу в те глаза и пытаюсь навязать ему свою волю, но это все равно, что желать взять верх над тигром. Это вам не брешущая у калитки дворняга.

Единственным результатом становится струйка горячей крови, что стекает по моему лицу на губы, и ледяная дрожь, сотрясающая тело. Мне вновь становится холодно, теперь, полагаю, главным образом от страха. Я чуть высовываю оба клинка из-за пояса, но чувствую, насколько они смешны рядом с почти полутонной горой мышц и челюстей.

Холод охватывает меня как саван, в висках стучит, я вижу только волчьи глаза – грязно-желтые, пылающие странно разумной жестокостью.

Я чувствую его движения, хотя он не шевелится. Чувствую, что он прыгнет парой длинных перескоков, а потом, на высоте того камня, выстрелит в мою сторону будто ракета. При первом шаге зверя я отпряну влево, оттолкнусь ногой от камня и брошусь спиной на стену, между тем торчащим камнем и стволом крученой горной сосны. Если я все еще нечто умею и упрусь там ногами, в моих руках уже будут мечи, а он не сумеет меня достать. По крайней мере, не сразу. Нос, горло, глаза. Три быстрых удара, а потом короткий миг, чтобы вползти на спине туда, где еще выше и теснее.

Скажем так.

Видю я это все в едином быстром проблеске, словно некий расклад. Длится оно долю секунды. Волк смещает центр тяжести, наклоняет голову еще ниже, а я уже знаю, что он прыгнет иначе, что пойдет с другой лапы – и весь расклад молниеносно распадается, замещается другим. Теперь уклонение в другую сторону, поворотом, словно тореадор, перед самими оше-

ренными зубами, с непростым двойным рубящим ударом. Левая рука – развернутым клинком в глотку, правой сверху в основание черепа, одновременно, как закрывая ножницы. Меняю хват ладони на обратный.

Холод пронизывает меня до мозга костей. На тропинку падает шишка, по склону скатываются мелкие камешки. На миг устанавливается густая, мертвая тишина. Мы смотрим друг на друга.

Вороны, до того ждавшие на ветвях конца волчьего пира, внезапно с криками, панически мельтешащей тучей, взлетают над долиной, а волк начинает отступать. Все время порывивает, но отступает на толстых лапах маленькими шажочками, не спуская с меня глаз.

Проходит минута, волк делает еще несколько шагов назад, а я заставляю окаменевшие мышцы прийти в движение и чуть наклоняюсь в его сторону. Тогда он разворачивается и убегает быстрой рысцой. Это не выглядит как приступ паники, волчара, скорее, производит впечатление того, кто вдруг вспомнил о чем-то важном.

Вороны вновь садятся на ветви, и опять устанавливается тишина.

* * *

Волк исчез. Драккайнен миг-другой постоял неподвижно, потом сполз в траву и с усилием отпустил судорожно сжатые рукояти обоих мечей.

– Ох, мужик... – пробормотал он по-хорватски. – *Piczku materi...* Мужик...

Сидел и глядел, стискивая кулаки, на свои руки, будто не был уверен, что те действуют.

Поток обтекал каменистую отмель, покрытую гравием и валунами; на ней росло рахитичное деревце.

Трупы лежали рядом. Молодой мужчина с жестоко разрубленными шеей, плечом и загривком, мальчишка, самое большее лет десяти, со стрелой, торчащей в затылке, и светло-волосая девушка с перерезанным горлом. У всех – вырванные куски плоти из бедер и боков, но это сделали волчьи зубы. Все трое нагие, с руками, выкрученными за спину, распухшими большими пальцами, перехваченными ремнями, и все лежали друг рядом с другом, ровно уложенные лицами к земле. У них была гладкая кожа, и только на плече мужчины Драккайнен заметил вытатуированный знак, похожий на сложный листок. Но ни у одного не было зигзагообразных змеиных знаков на конечностях или спинах.

Драккайнен присел подле них, придерживая одной рукой сагайдак с луком. Осторожно повернул к себе бледное, размокшее лицо девушки, с синими губами и матовыми глазами. На камнях крови не было. Края раны выпуклые и бледные.

Драккайнен поднялся и, склонившись, прошел быстрым шагом вдоль ручья, затем – медленно – вернулся назад, почти нюхая землю, перевернул пару камней, легонько провел пальцами по песку и гравию, словно читая знаки некоего тайного текста.

– Убили вас не здесь... – пробормотал он. – Привели по руслу ручья. Девять конных Змеев на странно подкованных лошадях и с десяток крабов. Вели пару тяжелых повозок, с одиночной упряжкой, не лошадей. Животные были массивнее и медлительнее. Повозки застревали на камнях, а потому вам разрезали ремешки на больших пальцах и приказали толкать. Было вас восемь человек. Здесь воз крепко засел и начал переворачиваться. Строй растянулся и разорвался, всадники сгрудились вокруг повозки и принялись подгонять вас кнутами или чем-то таким. Кто-то упал и оставил след крови на камне. И тогда мальчишка бросился наутек. Туда... И туда... Потом берегом. Стреляли дважды, но промазали. Достали только здесь, на пляже. В затылок.

...Он упал на колени, и тогда кто-то из Змеев поймал его каким-то лассо или бичом за шею. А потом поволок, умирающего, на отмель. Тогда ты бросилась на ближайшего всадника, но он тебя отогнал. Ты прыгнула еще на одного. Сумела стянуть его с коня и повалить, когда

тебя рубанули. Высоко, с седла. Ты заслонила предплечьем. Тот, на кого ты напала, освободился и перерубил тебе плечо. Второй конный ударил снова и перерубил шею. Потом вас отволокли на отмель. Но сперва, – обратился он к мертвой девушке, – он изнасиловал тебя и перерезал горло. Другой еще был жив, умирал от потери крови, но ему приказали смотреть. Когда ты умерла, они положили вас здесь. А повозки отправились дальше. Прямо в Музыкальный Ад. Везли, например, мясо, железо, шкуры, соль и селитру. Может, больше пушечного мяса для нашего колдуна из Амстердама. Для безумца и социального экспериментатора, которому захотелось войны.

Вуко поднялся и обтряхнул колени.

– Пожалуй, мне стоит изменить путь. Слишком тут серьезное движение.

И все же он пошел вдоль ручья.

Примерно через километр склоны понизились настолько, что можно было свернуть в лес. Он шел, будто старик, отдыхая каждые несколько метров. В лесу Драккайнен некоторое время рылся в подлеске, наконец нашел растущие прямо из земли папоротники, немного похожие на пальмовые листья. Постанывая от усилия, он вырвал их, а потом снова отдохнул, тяжело дыша и опершись о ствол. Отрубил папоротнику листья, оставив лишь толстый крученый корень, который он оскоблил ножом до белых внутренностей. Нашел неглубокую котловинку с видом на дорогу, что вилась дном ручья, и сел там, хрупая свои корешки. Старался жевать неторопливо, но ему все равно приходилось сдерживаться, чтобы не проглотить их целиком.

– *Jebem ti duszu*, что за мерзость, – проворчал он. – Еще и рыбьим жиром воняет.

Позже он выполз из котловинки поискать больше папоротников.

Они ехали шагом, хрупая бронированными лошадьми о камни на осыпях; уставшие, увешанные оружием, в странных черных доспехах. Кони, закрытые броней, вызвали в памяти рисунки глубоководных рыб. Вокруг вставал туман, последний из всадников держал бунчук, увенчанный черепом с длинными волосами, его древко оплетали танцующие змеи, как на адском кадучее. Руки всадников украшали зигзагообразные татуировки, напоминающие колючую проволоку.

Люди-Змеи.

Драккайнен лежал на земле совершенно неподвижно, укрытый своим плащом, лицом уткнувшись в пахнущую грибами листву, и мечтал о ручном гранатомете. Керамическом, со шрапнелью.

Их разделял десяток шагов, а он лежал на обочине, скрытый листвой, в нескольких метрах над их головами, во тьме бора. Если не выпадет невероятное невезение, или если он сам не сделает никакой глупости, они не должны его заметить.

Один из Змеев отозвался резким приказным тоном, и Драккайнен едва не поднялся из укрытия. Ему ответил второй, и оба рассмеялись, но слова звучали так, словно на гравиевое дно ручья падали бильярдные шары или словно кто-то сунул металлический прут в спицы колеса. В звуках, которые Вуко слышал, не было ничего подобного понятным словам. Только скрежещущее лопотание, гортанные вскрики и угловатое гроыханье чужого языка.

Он ничего не понимал.

Ничего.

Змеи говорили на языке Побережья Парусов.

На языке, который недавно звучал для Драккайнена так же естественно, как и языки Земли, а теперь он был понятен не больше звуков, издаваемых китами, или волчьего воя.

Ему казалось, что он никогда не смог бы воспроизвести и, тем более, запомнить услышанное.

Всадники проехали, установилась тишина. Драккайнен уселся в котловинке и завернулся в плащ. Сидел неподвижно, двигалась лишь рука с ножом, скребущая съедобный корень папо-

ротника. Медленно, с больной, поверхностной систематичностью. Бесконечно. Наконец он выскреб корень в лохмотья, воткнул нож в землю под ногами и продолжил сидеть.

Сидел долго.

– Ладно, драть все это, – сказал он лесу. – Я могу действовать с голой жопой, без меча и подмоги. Но с пустой башкой я не справлюсь. Мне жаль. Конец миссии.

Он сжал зубы и влупил затылком в ствол.

– Нужно всего-то пробиться к дому Грюнальди, где я ни с кем не смогу договориться, отыскать радиоларию и вызвать эвакуационный паром. Сори, Последнее Слово, но лучше сма-тывайся из страны. Мой земляк, увы, стал каким-то всемогущим гребаным магом и расхрена-чит вам тут все в пыль. Умеет превращать людей в деревья, оживлять трупы и духов, летать по воздуху – истинный Носферату. Потому садись на корабль, дружище, и ухреначивай, прежде чем он превратит тебя в картинку Босха, Брейгеля или Пикассо. А паром – либо прилетит, либо нет. Миссия у меня нелегальная, дружище. Если возвращаешься с пропавшими без вести, могут за тобой и прилететь. Эвакуация ученых хоть как-то оправдывает нарушение инструкций. Ценная информация тоже оказалась бы весомым аргументом. Можно вытянуть агента поти-хоньку, стоит рискнуть. Но за засранцем, который испортился, ничего не сумел сделать и ни о чем не узнал, паром никто не пришлет.

Он сжал веки и снова ударил затылком в ствол, так, что загудело.

– Включись, стерва!

А потом снова замолчал.

Наконец сплюнул, поднял нож, вытер его о килт и аккуратно вложил в ножны.

Встал, перетянулся своим свертком, набросил на спину плащ и пошел через лес, вдоль ручья. Осторожно и как можно тише.

Раз-другой он останавливался, тревожно поглядывая через плечо, с ладонью на рукояти меча.

Встряхнул головой и отправился дальше.

Присмотрел себе не слишком отвесный склон рядом с устьем долины, километрах в полу-тора, и решил туда добраться. Взгляд с высоты мог дать понимание, верно он оценивает направ-ление или ошибается. Мог помочь выбрать путь и начать интересоваться местом для ночлега. В нормальных условиях, имея доступ к воде, Драккайнен мог не есть неделю, но он и понятия не имел, в каком нынче состоянии. Ощущал себя странно и, сказать правду, не очень хорошо. У него кружилась голова, и потому каждые несколько сотен метров приходилось усаживаться, отдыхать и ждать, пока успокоится сердце.

По крайней мере, он чувствовал, что сердце у него бьется, что оно не разодрано копьём в клочья. Отирая мокрое от пота лицо, чувствовал, что это нормальная человеческая кожа, которая потеет и мерзнет, царапины на которой кровоточат. Кожа, а не одеревеневшая жесткая кора.

Некоторое время Драккайнен видел в уголке глаза какие-то плавающие пятнышки света, почти за гранью зрения. Мороки. Это могло означать усталость, слабость или истощение. Что хуже, они появлялись и исчезали, но каждый раз движение на краю зрения вызывало тревогу. Будто нервы и так не были на пределе.

Через несколько сотен метров он решил, что это не просто мороки и забеспокоился все-ръем.

Эффект не напоминал серебристые искры, что беспомощно плавали по краю поля зре-ния. Скорее это было похоже на световой блик. Солнечный зайчик, пущенный зеркальцем, но казалось, он обладает собственной волей и специально поддразнивает, подкрадывается со стороны, а затем, при малейшем движении головы, сбегает.

Когда Драккайнен сошел в долину и двинулся в сторону встающего перед ним склона, он видел это чуть ли не постоянно. Световое пятнышко, движущееся параллельно ему. Мог

наблюдать за ним краешком глаза, одновременно глядя вперед, а потому заметил, что солнечный зайчик, который должен оставаться лишь сбоем зрения или секундным обманом сетчатки, прячется за стволами деревьев и скалами, что, пробираясь между камнями, освещает их небольшим пятнышком света, как фонариком, что в свете том травинки и камешки на миг обретают дополнительную тень.

Он всматривался в скалы и изломы, пытаясь заметить шутника, пускающего зайчиков. Кто-то мог хотеть обратить на себя его внимание без криков – достаточно безрассудных в горах, где продолжалась то вспыхивающая, то угасающая война. Хватило бы поймать отблеск солнца на клинок ножа или на край щита. Только, во-первых, тогда попытались бы светить ему в лицо, во-вторых, не стали бы прятаться, и, в-третьих, нынче было пасмурно.

Это исчерпывало список разумных объяснений, а потому Вуко просто шагнул дальше.

Дорога, которую, похоже, облюбовали штурмовые отряды ван Дикена, не была лучшей трассой, и Драккайнен хотел побыстрее с нее сойти.

Остановку он сделал на середине пути к вершине, в довольно густом лесу, среди скал и папоротника.

Драккайнен снял шлем, развязал плащ, влажный на спине от пота, и уселся на поваленном дереве, осторожно попивая из трофейной фляги. Пятнышко яркого света все еще мелькало где-то с краю зрения, но он старался в него не всматриваться.

Сперва нужно добраться наверх и найти укрытие. Потом добраться до Земли Огня, отыскать Ядрана и оборудование. По дороге немного обучиться языку. Позже – прибраться за ван Дикеном и разобраться с тем, что тот натворил. Поглумиться над трупом и отлить на его могилу. Затем найти и эвакуировать остальных. Вернуться на Землю. Полно работы. К окулисту и неврологу он мог сходить, только закончив все дела, потому нынче не оставалось времени на какие-то световые феномены.

Когда она пронеслась в воздухе и повисла в полуметре от его лица, похожая на ожившую куклу Барби, охваченную переливами света, он как раз отпивал из фляги.

– Может, тебе пора начать думать, безмозглый ты мясник? – спросила она по-английски и довольно раздраженно.

Попытка заорать с полной глоткой воды дает единственный эффект: можно захлебнуться. Драккайнен фыркнул и с каким-то удивительным взвизгом свалился, надсадно кашляя, со ствола, навзничь.

Вскочил он еще быстрее, облившись из баклажки. Отсвечивающая фигурка маленькой девушки отлетела чуть дальше и снова повисла в воздухе, скрестив ноги в щиколотках. Она была голой, светящейся, сантиметров тридцати ростом, с золотыми волосами. Не блондинистыми, а металлически золотыми, похожими на тонкие проволоочки. Золотым был и кустик волос на ее лоне. Она обладала микроскопическим пупком, едва различимыми ноготками и маленькими, будто головки шпилек, выпуклыми сосками на грудях, размером с вишенки.

Драккайнен откашлялся, после чего вытер лицо и глаза.

– А любой бы сбрендил, – сказал сдержанно. – Это был непростой день. Я воскрес, едва держусь на ногах, вчера еще был деревом, узнал, что утратил все навыки, даже языка не знаю, странствую с голой жопой по горам, обернувшись в кусок плаща, на ногах у меня – остатки кожуха. Впрочем, что я знаю о чудесных воскрешениях... Может, просто нельзя не сбрендить. Но отчего у меня не может быть человеческого бреда? Вот ведь, *piczku materinu, perkele saatani vittu, zaszto Disney?*

Он помассировал веки, словно желая воткнуть глазные яблоки поглубже в череп.

А потом снова открыл глаза.

Маленькая феечка все так же висела перед ним в воздухе, с ручками, заброшенными за голову и с одним подтянутым к груди коленом. Он сумел отметить, что черты ее лица человеческие. Незнакомые, но человеческие. Строго-красивые, как у модели.

– *Sug elg y helvete*, – произнес Драккайнен по-фински, хотя и грубо.

Она развернулась на месте, после чего оттопырила в его сторону маленькую круглую попку и профессионально, точно стриптизерша, крутанула ею.

– Насмотрелся? Может, мне у шеста потанцевать?

– Подрасти раз в пять – и я найду для тебя применение. Я понимаю, мое подсознание дает мне понять, что я эмоционально незрел. Взрослый, ответственный мужчина не соглашается на участие в тайной программе и не покидает орбиту Земли. Впрочем, мне об этом говорили всю жизнь. Синдром Питера Пэна, и все такое. Отсюда и Динь-Динь. Нахер, Динь-Динь. Скажи Капитану, чтобы подтерся крюком. Доброй ночи.

Он взмахнул рукой, но она ловко отскочила и встала на торчащей из ствола ветке. Окружающий ее переливчатый отсвет оказался парой быстрых, опалесцирующих крылышек, похожих прожилками на стрекозиные, но в форме тех, какие можно видеть у больших тропических бабочек. Она распростерла их и теперь мерно ими двигала, совершенно как бабочка.

– Лапы, селюк, при себе держи! Можешь смотреть, но не прикасайся. А если не хочешь меня, зачем звал?! – Последнюю фразу она уже выкрикнула, а потом стала плакать. – Сказал на меня – стерва... И еще – чтобы я с лосем... – всхлинула.

Драккайнен смотрел на это равнодушно, с абсолютно неподвижным лицом.

– Ты – цифрал, – произнес он мертвым голосом и – третий раз в жизни – потерял сознание.

* * *

Я прихожу в себя парой минут позже. Над головой – частокол стволов, слабый свет мрачного дня разрезан ветвями, подо мной – каменистая почва, подлесок, полный шишек. В желудке скверное, давящее чувство, несущее ощущение болезни.

И еще – этический закон в сердце.

Я перекатываюсь на бок и тяжело встаю. Надо взобраться на вершину.

Кошмар все еще горит у меня в мозгу, но я не вижу вокруг ни огней, ни фей. Стараюсь не думать об этом. Это больше меня.

Я сошел с ума. Абсолютно. Видение, бред, *welcome to Cockooland*. А может, цифрал уцелел. Уцелел, перестроившись в нечто такое вот. Я утратил контроль над телом, гипердреналин, тактические возможности, умение фехтовать, искусство сражения и знание языка, но получил дурацкую феечку, летающую вокруг моей головы с кретинскими комментариями. Сам не знаю, какой вариант лучше.

Займусь этим позже.

По очереди.

Это больше меня. Просто-напросто случаются такие дни.

По дороге я вырезаю себе приличный посох. Не те времена, когда я прыгал по горам, что козочка. Теперь я едва перебираю ногами и опираюсь, словно пилигрим, на посох.

Марш мой монотонен и мучителен, но позволяет использовать мозги. Собираться с мыслями, делать выводы. Например, примем как рабочую гипотезу, что меня и вправду временно превратили в дерево. Но можно предположить, что я был загипнотизирован. Провел некоторое время, торча на вершине горы, погруженный в кататонию, а все остальное – просто бред. Так значительно гигиеничнее. Но это не объясняет копы.

Я вижу заросший продолговатый след посередине грудной клетки, помню агонию, все время чувствую легко узнаваемую, тянущую боль, что сопровождается заживлением, только пульсирует она где-то внутри меня, стегая органы, которые не имеют права так заживать. И все же заживают. Сердце работает, я чувствую это, особенно бредя шаг за шагом вверх по лесистому склону; оно все еще лупит внутри меня, как затягивающаяся рана. И эта тлеющая на грани

ощущений тянущая боль проникает сквозь ребра и легкие, отдается в лопатке. Ровно там, где проходило древко. А если меня действительно превратили в дерево, можно понять, отчего я не умер. Согласно некоей кретинской логике, это объяснимо. Спас меня ван Дикен. Переусердствовал. Проткнул копьем, но наложил на меня нечто, что – в рабочем порядке и с отвращением – я готов назвать заклятием. Прежде чем умереть, я успел стать деревом. И не умер потому, что деревья не умирают из-за повреждения ствола. По крайней мере, не сразу. Дерево может умереть от болезни, недостатка света или воды. Корневая система может не пережить, если срубят ствол, но порой она способна породить следующее деревце. Оттого я, как дерево, выжил.

Но если бы я каким-то чудом, проявляя знание, волю и умения, которыми не обладаю, поскольку слишком прост, сумел бы перепревратиться в человека, я стал бы человеком, пробитым копьем. Пробитым смертельно. Двойная страховка. Но когда я был деревом, Воронова Тень вырвал из меня копье, и потому я проснулся живым. *Quod erat demonstrandum.*

Раненый, больной, бредящий – но живой. Очередной вопрос: что вытащило меня из ствола? Воронова Тень сказал, что никто не сумеет сделать это, лишь я сам. Будто сквозь туман я помню, что пытался. Помню усилие и какие-то кошмары. Ночь, волки и дождь. Но также помню, что не справился.

Кажется.

Я выхожу из леса и бреду вверх, через луг, поросший острой серо-голубой травкой. Опираюсь на посох, упираюсь в колени ладонями и бреду вверх по склону, к вершине, которая, кажется, лишь отдаляется, словно гора растет по мере того, как я на нее поднимаюсь.

На вершине, среди рассыпанных вокруг светлых меловых скал, я сперва тяжело сажусь, а потом подставляю потное лицо под холодный осенний ветер. Трава на склоне пахнет тяжело и медово, аромат вдруг напоминает мне ренклюд. Сладкий зеленый ренклюд в сиропе, который продавали в банках во времена моего детства. Мечтаю о ренклюдовом компоте и о пряниках. Соединение этих вкусов кажется мне чем-то совершенным. Я убил бы, чтобы сожрать литровую банку ренклода, заедая глазированными польскими пряничками. При мысли об этом мои челюсти сводит судорога.

Тут нет ни ренклода, ни пряников. Есть только глоток тепловатой воды из воняющей козлом деревянной баклаги.

А потом я поднимаюсь и гляжу в сторону, откуда пришел.

Вершина моя не очень высока, но вид с нее открывается недурственный. Горы встают вокруг мрачным гранитным поясом с северо-востока дугой на запад. Оттуда я пришел.

Кажется, я вижу плечи и руку Плачущей Девушки, а за ней – идиотский шар на колонне, назовем его, например, Глобусовый Верх, шип, протыкающий шар. Дальше к северу он тонет в тумане и впивается в низкие тучи. Все это, как мне казалось, находится несколько в стороне от моего положения и значительно дальше. Где-то справа должна находиться долина, ведущая в Сады Наслаждений, а за поворотом – к Музыкальному Аду и Замку Шипа.

Туда я должен вернуться, хотя от одной мысли об этом по телу бегут мурашки. Вернуться как тайному убийце.

Меня охватывает гнев. Не столько на прибабахнутого ван Дикена, сколько на себя. Воронова Тень был прав. На что я рассчитывал? На эффект неожиданности? Мое поведение можно объяснить лишь тем, что я не в состоянии принять чудеса. Просто не могу. Это глупо. Я смотрю на вращающиеся элементы железного замка и вижу машину. Не больше. Отчего-то это кажется мне более рациональным, хотя этот мир дремлет в вечном средневековье и здесь нет технологий, которые позволили бы выстроить нечто подобное. Чутьочку магии – и я сразу чувствую себя идиотом.

Я смотрю в сторону Земли Огня и вижу размытые столпы дыма, мне кажется, что ветер несет отвратительный смрад выпущенных кишок и свежей крови, смешанный с тяжелым запа-

хом пепелища. Мне кажется, я слышу крики, но это не более чем фантазия. Я просто-напросто знаю, как воняет на месте резни. А при всей здешней сказочности – резня тут правдива. Несмотря на чары, кровь здесь проливается настоящая.

И я понял еще, что я словно бушмены, которые не принимают во внимание существование вертолетов, ноктовизоров и автоматов. Они видят ночью и у них есть копья, которые могут проткнуть человека на расстоянии? Летают по воздуху в железных ящиках? Сказки!

Однако мое отрицание не собьет вертолет и не спасет меня от очереди из электромагнитного автомата.

Я решил идти на восток и перебраться через цепь более низких гор, что тянулись на северо-востоке. Так я сокращу путь и доберусь до Земли Огня с другой стороны, да и путь будет легче, и подальше от нашего чародея с его веселой компанией. Сегодня – через закрытую лесистыми хребтами долину и ту котловину, скрытую в тумане. А потом придется искать укрытие на ночь.

Во время спуска ноги у меня, кажется, болели сильнее, но в других местах, чем когда я карабкался наверх. У меня все еще дергает ахиллесово сухожилие, которое я повредил до того, как меня превратили в дерево. Вот свинство.

Через какое-то время я снова иду, а собственно – бреду вдоль потока, и тут до меня доходит, что я не рассчитал силы. И доходит только сейчас. Нужно окончательно прийти в себя, выздороветь.

Просматриваю россыпь вымытой гальки, пока наконец не нахожу несколько кусочков кремня. Проверяю их, ударяя о клинок одного из моих коротких мечей, высекаю снопы искр и прячу камешки в узелок.

Будет огонь.

Хорошо бы еще найти что-то, что можно испечь.

Мечтаю отыскать место для ночлега и отдыха, но я еще слишком близко. Знаю это. Просто чувствую.

Не знаю, это предчувствие или просто истерия.

Как это действует? Какие на самом деле возможности у ван Дикена?

Он чувствует меня на расстоянии, как сказочный колдун, сидя на башне и оглядывая горящим, далеко видящим оком горизонты? Передает сообщение в какой-нибудь хрустальный шар? На какое расстояние?

Я иду.

Я иду и мечтаю о еде. Иду вниз, к окутанному туманом перевалу. Тут нет ничего, на что можно охотиться, ничего, что можно было бы сорвать и пожевать. Только несъедобные кустарника, похожего на горную сосну, скалы, означенные яростно-желтыми кляксами наростов, что выглядят так, будто кто-то обрызгал их краской, а еще – клубы тумана. Я иду на перевал, сражаясь с рвущимися от боли мышцами, а перед моими глазами стоят *dagnje na buzara* с аппетитно раскрытыми раковинами, плавающими в отваре из олив, чеснока, трав и белого вина. Или *janjetina iz pod peke*, пахнувшая тимьяном и чабрецом, среди золотистых луковичек и булькающего соуса.

Чем ближе перевал, тем холоднее становится. Туман окружает меня густыми, как вата, влажными клубами, вокруг маячат только скалы.

Нужно взойти на перевал, а потом спуститься вниз, в долину. Я не проживу до утра среди этих скал. Тут нет деревьев, нет воды, не из чего сделать шалаш, нечего есть. Придет осенняя ранняя ночь, и до утра я замерзну.

Мне уже немного осталось.

Обувка распадается. Мягкая кожа кожуха слабо подходит для подошв. Она разодрана о скалы, и внутренности мокасинов медленно пропитываются кровью.

И все же я иду.

Я вспоминаю свои сапоги. Никогда не любил ходить босиком. В Гваре я и к морю выходил в специальной обуви из пенки и пластика. Везде скалы и морские ежи. Кто хоть раз наступил на ежа, уже никогда не войдет в море босиком. Дома у меня – целый куль старой обуви. Сбитой, немодной или просто-напросто той, что мне надоела. Любую бы сюда. Хотя бы лакированные туфли. Старые резиновые сапоги. Кеды. Что-нибудь.

На перевале я останавливаюсь и гляжу вниз. Долина, большая и округлая, раскидывается передо мной, напоминая миску с молоком. Она наполнена туманом. Ее окружают зубастые валуны, ощеренные словно края щербатого глиняного кувшина. Но делать нечего. Я должен сойти вниз, в этот туман, пробиться сквозь долину. Что бы оно там ни было.

Ветер бьет мне в лицо. Ветер со dna долины, из-под белого кожуха тумана. Тяжелый запах сероводорода и немного – гнили.

Я схожу. Осторожно, шаг за шагом, опираясь на скалы и хромая на раненых ногах.

Смрад становится отчетливее. Я минуя булькающие озерца, среди скал мелькают странные, мутировавшие деревца. Печальное место.

Туман немного расступается. Он все еще скрывает окружающие долину хребты, заслоняет небо, но чуть развидняется. Недавно я видел метра на два, теперь мой взгляд уходит на полсотни.

Я спускаюсь в котловину, минуя группы скал, похожих на рассыпанные, выбеленные солнцем кости. Вот торчащие в небо частоколы ребер, огромные, словно элементы каких-то конструкций. Единожды пробудившись, игра воображения не может остановиться. Я минуя ряд камней, стоящих один за другим, и мне кажется, что они выглядят как упавший и рассыпавшийся спинной хребет. Я отчетливо вижу отдельные позвонки, из каждого можно соорудить табурет. Чуть поодаль замечаю совершенно явственный череп, огромный, словно кабина военного грузовика. Все это призрачно расплывается в клубах тумана.

А потом я слышу откуда-то издали плач, будто звук неисправной сирены. Не знаю, труба это или, может, животное. Я никогда не слышал ничего подобного.

Поэтому иду осторожно и тихо, от укрытия к укрытию, непроизвольно пытаюсь запустить цифрал, хоть и знаю, что мне это не удастся.

Крадусь, выглядываю из-за скал, проверяя местность, прежде чем идти дальше.

И тогда я вижу дракона.

В первый момент я принимаю его за скалу, но скала шевелится и через несколько шагов оказывается бесформенным, подобным динозавру созданием с зубастой пастью; тварь стоит на задних ногах.

Я не в состоянии ни испугаться, ни заорать, ни убежать. Прежде чем успеваю сообразить, что вижу, падаю, перекатываюсь за скалы и делаюсь неподвижен. Мгновенно. Просто-напросто исчезаю с тропинки.

Понимаю, что из обучения, похоже, кое-что сохранилось, лишь когда гляжу в ту сторону.

Животное не слишком велико. Метра четыре в длину, не считая хвоста, но это – архетипичный дракон. Довольно длинная шея, башка рептилии, гребень костистых отростков, хвост. Ну – дракон драконом.

Собственно, виверна.

Нас разделяют метров тридцать.

Я лежу. Жду.

Чудовище выпрямляется, запрокидывает голову и раскидывает крылья. Банальные, каких и стоит ждать от дракона. Нетопырные, кожистые крылья, растянутые на костном скелете. Он раскрывает их медленно, с усилием, и я вижу, что только одно крыло нормальное, второе – деформированное, частично срослось с редуцированной передней конечностью, скрученной и будто высохшей.

Дракон открывает пасть и издает ужасающий рык. Высокий, стонущий, подобный скрипу огромных ржавых ворот. Из тумана отвечают подобные звуки, все – ужасно отчаянные, словно больные.

Виверна внезапно бьет крыльями, как лебедь, усохшее двигается конвульсивно и жалко, но даже если бы они оба развернулись правильно, не подняли бы дракона в воздух. Весит он, полагаю, с тонну. Тонна мяса и костей. Даже если бы его наполнял чистый гелий, не полетел бы. Крылья, разверни он их, раскинулись бы метров на пятнадцать. Возможно, он сумел бы некоторое время парить, но я сомневаюсь.

Создание тем временем исторгает громкий рык и все отчаяннее бьет крыльями, скорченное, начинает разворачиваться и распрямляться, зверь берет короткий хромающий разбег. Я сжимаю зубы, поскольку хочу, чтобы законы физики и биомеханики выиграли. Не хочу видеть, как бочковатое тело отрывается от земли и криво, приняв во внимание неразвитое крыло, но все же летит. Потому что, типа, магия.

Я не согласен.

Предел веса создания, которое может подниматься в воздух благодаря силе мышц, – примерно двадцать килограммов. Больше мышц – больше массы и скелета, а это значит – больший вес. И опять нужно больше мышц. И так должно быть. Даже если у этой скотинки другие мышцы и другая биохимия, тогда, скажем, и предел раза в два больше. Но не в двести же!

Логика должна сохраняться. Драконов нет. И так должно быть.

Он бьет крыльями, я чувствую порывы ветра, он прыгает между камнями все быстрее, я корчусь, поскольку вижу, что он пробежит в паре метров от моего укрытия. Дракон делает прыжки все длиннее, совсем как взлетающий лебедь, наконец раскрывает крылья и, ударяя ими с сильным шумом, поднимается в воздух.

Пролетает четыре, может, пять метров, после чего с шумом валится на скалы и осыпи на дне долины. Я слышу грохот, чувствую дрожь земли, между скалами поднимается столб пыли.

Физика – один, магические бредни – ноль.

Я переживаю минутку и прокрадываюсь к месту катастрофы.

И нахожу бойню. При столкновении со скальными глыбами тварь разбрызгалась, как арбуз. Теперь она – куча давленого мяса, сломанных костей, что торчат во все стороны из массы, будто иголки. Тварь еще жива, большой глаз медленно затягивается подрагивающей белесой пленкой, которая раскрывается по-птичьему, снизу. Из полной сломанными зубами рептильной пасти на скалы льются каскады крови. В воздухе стоит смрад. Из уголка птичьего глаза медленно сползает бесцветная жидкость.

Виверна умирает.

И плачет.

Я ухожу.

Снова пытаюсь воззвать к боевому режиму, как если бы я беспомощно взывал к молчаливому Богу, и всматриваюсь в туман, не снимая ладони с рукояти меча.

Проклинаю туман, проклинаю идею идти через эту долину, а более всего проклинаю сказки.

И иду вперед. Беспомощно взывая к цифралу.

* * *

Он увидел ее в самый неподходящий момент. Выходя из кустарника, чтобы осмотреть очередной кусок пути. Следующие десяток-другой шагов надо было преодолеть осторожным бегом на полусогнутых – до следующего укрытия.

Она сидела на камне отвернувшись, рядом с его лицом, и разглядывала ногу, упертую в колено – будто занозила пятку. Радужно переливающиеся крылышки, сотканые из сияющих перепонки, легонько двигались.

– Я с тобой не разговариваю. Ты мерзкий, – сказала она обиженным тоном.

– *Haista paska*, – произвольно выдохнул Драккайнен.

– И вульгарный.

Он смотрел, как она улетает, похожая на героиню дурацкого комикса. Крылышки двигались так быстро, что превратились в отсвечивающий бликующий фон. Феечка сплела стройные ножки в шиколотках, будто сидела на качелях. Она приземлилась на вывороченном стволе среди скал, в идеальном месте для следующего укрытия, в десятке шагов дальше.

Он добежал туда и снова рухнул, борясь с присвистывающим дыханием. Она сидела спиной, надутая; ее маленькая попочка, размером со зрелую сливу, находилась в паре сантиметров от его носа.

Недолго думая, Драккайнен наклонился и хотел вывалить язык, но не успел. Цифраль встала и оттолкнулась от ствола, будто прыгала в воду, а затем перелетела на новое место, как сотканный из света мотылек.

Он сперва – из чувства противоречия – хотел занять какое-то другое место, но, увы, идеальным укрытием было это. Спрятанное во встающих горных соснах, среди скал – то, что нужно.

Драккайнен переместился туда и повалился, одной рукой придерживая болтающийся на боку узелок.

На дне долины отсвечивало круглое озерко – словно темное зеркальце. Пруд, занимающий середину котловины, с полкилометра в диаметре. Наверное, поскольку второй берег тонул в тумане. Вода булькала, над ней поднимались клубы пара; она была темного, неприятного кофейного цвета, и только подле самого берега, на скальных отмелях, желтовато отсвечивала.

Черная вода. Выглядела неаппетитно.

А в воде лежал еще один дракон. Этот был огромен, башка на длинной шее высывалась на берег метров на пятнадцать, раскинутые кожистые крылья подошли бы и для крыши над баварским пивным шатром.

И этот тоже подышал.

Его бока тяжело вздымались, тварь сражалась за каждый вдох; на продолговатой морде двигались ноздри, выдувая клубы пара. Крылья легонько двигались, вздымая волны, но над водой не поднимались. По хребту виверны прохаживалось несколько воронов, бессильно поклевывая ороговевшие чешуйки.

– Ты слишком велик, – прошептал Драккайнен. – Потому не можешь встать. Не можешь дышать. Сердце не в силах гнать кровь. С чего ты так вырос? В этой воде? Крылья у тебя прилипли поверхностным натяжением. Как паруса опрокинувшейся яхты. Ты не сможешь ими шевельнуть.

– Начинаем немного думать? – ядовито спросила Цифраль, все еще отвернувшись.

– Я начинаю думать. Ты же – лишь анимированное проявление шизофрении.

Он обошел дракона по широкой дуге, проползая среди зарослей горной сосны, неохотно пользуясь теми местами, где приседала Цифраль. А из очередного своего укрытия заметил людей.

С десяток-полтора невероятно оборванных и бородатых Людей Огня, толкавших огромный закрытый фургон с надстройкой, прошитой железными полосами, как бронированная повозка, набросанная пьяным Леонардо да Винчи. Вокруг стояли Змеи. В своих черных одеждах, вооруженные копьями, под предводительством огромного толстого типа, одетого в меховые штаны и высокие, солидные сапоги. Лысый череп прятался под кожаным капюшоном,

доходившим до самого рта, плотным, с прорезями для глаз. Мощные предплечья оплетали змеиные зигзаги татуировок.

Группка толкала фургон по тропе вокруг пруда, остановилась в нескольких шагах от воды. Скрипнули завесы, размещенная впереди рампа отвалилась со звоном цепей.

Драккайнен окаменел, внимательно всматриваясь между скалами и кустами горной сосны.

Гигант в кожаном капюшоне проорал некий приказ. Толкавшие фургон люди отступили и один за другим присели, сплетя руки на затылке. Змеи сняли с борта фургона примитивные жестяные заслоны, окружили рампу полукругом, выставив копыя. Лысый толстяк что-то хрипло крикнул, похоже, приказывая одному из невольников войти. Тот поднялся по наклонной плоскости на подгибающихся ногах, потом раздался звук, словно железная куча обрушилась на деревянный пол, а человек выскочил изнутри как ошпаренный, волоча за собой длинную цепь, которую тут же перебросил через большое железное кольцо, висящее посередине рампы. Цепь у него отобрала и приказали присоединиться к сидевшим на корточках.

Еще один крик, и щиты встали полукруглой стеной. За цепь потянули.

Из повозки вышел привязанный к другому концу цепи еще один дракон.

Совершенно другой. Похожий на варана или пятиметровую агаму, с яркой оранжево-зеленой спиной, на которой торчало несколько рядов зубастых отростков. Гад распластался на рампе, но когда его дернули за цепь, внезапно приподнял плоское тело и сбежал вниз, между копейщиками.

Драккайнен немного подтянулся, поскольку видел только спины людей и их баклеры, но потом вдруг понял, что Змеи дразнят дракона. Животинка крутилась то в одну, то в другую сторону, предупреждая шипя, копейщики кололи ее и прятались за щитами. Дракон напал, но цепь застряла в заушине, натянулась, и весь фургон на добрый метр проволочся по гравию.

Зверя снова укололи, теперь с другой стороны, и создание вновь яростно развернулось, оскаливая ряды совершенно идентичных зубов и шипя, будто компрессор.

Щиты с грохотом ударили в землю, создавая металлическую стену, цепь затарахтела в кольце.

– Что это, *piczku materi?* – пробормотал Вуко. – Коррида?

Внезапно дракон начал менять цвет – на все более яркий – и потеть крупными маслянистыми каплями. Он как-то странно присел и раскинул ярко-оранжевый капюшон вокруг шеи, что заканчивался венчиком шипов.

– Ну, теперь, ребята, вы его разозлили, – заметил Драккайнен.

Тварь принялась судорожно работать боками, словно ее тошнило; ее горло раздулось как оранжевый шар.

Раздался предупредительный хриплый крик. Драккайнен отчаянно пытался различить в нем хотя бы одно знакомое слово, но безрезультатно. Это был звук, напоминавший стук лопаты щебня, ссыпаемого в жестяное ведро – ничего более.

Дракон странно, точно ухмыляясь, раскрыл широкую пасть, а потом брызнул струей какой-то субстанции.

Жидкость полетела в чей-то щит и на камни осыпи, принялась дымиться.

Вторая порция была обильнее и сразу занялась огнем.

Дракон привстал на передних лапах и дохнул пламенем.

Драккайнен ошеломленно выругался.

Щитоносцы отскочили в стороны, прячась под металлом щитов, а с приподнятой драконой морды ударил оранжевый коптящий огонь.

Недалеко. Где-то на пару метров. Пламя не было сильным, но хлестнуло по камням, осмолило скалу и подняло клуб черного, воняющего рыбьим жиром дыма. Дракон надулся снова,

издал отчаянный визг. Следующая порция огня оказалась светлее и полетела немного дальше, ударила в щиты. Кто-то бросился наутек прямо в озеро, с боком и одной ногой, обросшими огненным мехом, а дракон внезапно стал корчиться и виться, с полной пастью пламени.

Визг летал над долиной, отзывался эхом в горах. Дракон дергал головой во все стороны, как укушенный осой пес, а гудящее пламя било из его пасти, будто пожар на складе фейерверков. Вдруг голова дракона взорвалась несколькими струями огня, сноп искр выстрелил из пары мест на хребте; зверь исполнил судорожный танец, чуть не опрокинув повозку, а потом превратился в бесформенный пылающий клубок. Дракон сгорел.

Обожженный Змей выполз на четвереньках из пруда и с трудом начал вставать на ноги.

Остальные отскочили от него, заслоняясь щитами. Он что-то хрипло орал, показывая руки. Толстяк подскочил сзади и коротким ударом всадил ему в спину топор.

Обожженный миг стоял неподвижно, выгнувшись назад и хрипя, а потом его голова поросла колючками. Кто-то подскочил и проткнул его копьем. Древко начало дымиться, а проткнутый человек мигом выпрямился и бросился вперед тяжелым юзом. Ему подбили ноги ударом копья. Он рухнул на землю, встать не сумел. Драккайнен заметил только спины остальных, поднимающиеся и опускающиеся клинки, град ударов, наносимых человеку, корчившемуся на земле.

Дракон тем временем превратился в кучу вонючих обугленных останков, но продолжал гореть.

– Что тут происходит? – недовольно проворчал Драккайнен.

Фургон отволокли чуть подальше от горящей рептилии, невольников снова загнали внутрь. Вуко медленно и осторожно подполз чуть ближе и выглянул снова, заняв позицию получше. Невольники по очереди выходили из фургона, неся корзины, в которых на соломе лежали белые круглые объекты размером со спелые баклажаны.

Осторожно ступая по камням, невольники относили корзины к озеру и опускали в воду. Аккуратно и бережно, пока те не исчезали в черной запруде. Один из носильщиков поскользнулся на мокрых камнях и ступил в воду. Раздался панический крик, пленник выскочил на берег и принялся убежать; его мокрая нога начала пульсировать, словно под кожей что-то клубилось. Бегущий с криком упал на землю, его настигли и рассекли с той же яростной систематичностью, что и предыдущего человека. Драккайнен отвел глаза, сглотнув слюну, но продолжал слышать отчаянный крик, свист раз за разом падающих клинков и хруст рубленого мяса.

Вопль стих.

Рампу подняли, и фургон, хмуро поскрипывая, покатился прочь от озера.

На берегу остался дымящийся, обугленный труп дракона, два кровавых пятна и ни на что не похожие останки невольников.

В месте, где погрузили корзины, вода слегка побулькивала, выпуская фонтаны пара.

– Напомни мне, чтобы я там не купался, – процедил Драккайнен.

Он ждал, пока Змеи уедут. Фургон катился вдоль озера, подталкиваемый пленниками. Из клубов тумана донесся далекий рев умирающего дракона. В остальном царил мертвая тишина. Не было слышно даже вездесущих воронов. Дурная земля.

– А должен был это оказаться путь к землям за Змеями, – прошептал Вуко. – Поздравляю, Драккайнен.

Долина была овальной, окружена негостеприимными скалистыми зубцами. Он мог бы туда взобраться, но в нормальном состоянии, в сапогах и одежде, а не больной, ослабленный и едва живой от голода. Не в лаптях из кусочка кожи да укутанный в две тряпки.

В этой ситуации он был обречен на перевал. Даже на два. Тот, которым пришел, и второй, на другом конце долины. Куда поехал фургон в сопровождении Змеев и ободранных пленников.

Драккайнен встал и неохотно пошел в ту сторону, пытаясь игнорировать порхающую вокруг Цифраль.

Среди скал и кустов горной сосны лежали драконьи трупы. В разной степени разложения. От некоторых остались лишь рассыпанные кости, будто останки брошенных на берегу кораблей. Они не напоминали динозавров. Черепа были явственно обезображены, бесформенны и полны случайных наростов. Другие, чуть посвежее, выглядели еще хуже. Ни дать ни взять – мутанты после ядерной войны. Челюсти, вырастающие из плеч, безглазые, слепые головы, покрытые рогами, клыки настолько большие, что протыкали небо. Три глаза, головы, сросшиеся в единую бесформенную массу, полную ощеренных зубов. Собственно, каждый был другим, отличным. И все мертвы либо подыхают.

Драккайнен крался, воздух был наполнен мухами, вокруг стоял едкий запах падали. Он то и дело прятался, мокрый от пота, с болезненно колотящимся в груди сердцем, уверенный, что встретить чудовище достаточно бодрое, чтобы оно начало за ним охоту, – вопрос времени. Но пока все они были мертвы либо в агонии.

– Мне бы побольше отдыхать и восстанавливаться высокобелковой диетой. Пить много жидкости и избегать стрессов, а не прогуливаться по аллее драконов. Еще вчера утром я был деревом, *piczku materinu!*

Чуть дальше он снова остановился, ошеломленный. Скалы окружали это место, как кельтские менгиры. Обычные меловые столпы разнообразнейших форм, похоже, естественные. На двух висели разорванные трупы. И в каждом торчало железное кольцо, вбитое в камень примерно на высоте метра, а среди валунов и гальки на земле валялись кости. Человеческие кости. Черепа, ребра и бедренные.

Драккайнен некоторое время молча глядел на все это.

– Это полигон, – сказал он Цифраль. – Опытная лаборатория. Вон на том большом еще видны остатки паланкина, видишь? Ван Дикен готовится к войне и желает заполучить драконов. Он колдун и потому жаждет их. Армию драконов. Полагаю, тут есть некая связь с черной водой. Он наложил на нее заклинание. Что бы туда ни попало, рождается дракон. На условиях мутации или гребаной магической трансмутации, неважно. Эти весельчаки пытаются разводить драконов, но у них ничего не получается. Почему?

– Потому что драконов не бывает, кретин, – заявила Цифраль.

– Разумно. Не бывает. Невозможно физиологически. Потому онидохнут. Магия призывает их к жизни и поддерживает этот процесс, создавая то, что чародею необходимо. Но – онидохнут. Потому что его драконы родом из сказки. Они выдуманы и не имеют права на существование. То есть его заклинания являются чем-то искусственным и имеют свои ограничения. Он может приказать магии превратить ребенка в гнома, но тот не выживет. Потому что его сердце устроено как человеческое, и такие же мышцы. Потому что метаболизм организма человека слишком медленный, чтобы поддерживать жизнь в теле, которое весит двести кило; легкие при таком строении работают слабо, кровь слишком густа и так далее. У такого человека должны быть органы, как у мыши. Но ван Дикену все равно. Он хочет драконов, или гномов, или, я не знаю... ковры-самолеты. И создает их, после чего наталкивается на физиологию или аэродинамику. Потому что он кретин.

– Один раз ты уже не воспринял его всерьез.

– Я просто ищу его слабые стороны. Что толку признавать его полубожественным и всемогущим? Он не всемогущ. Его заклинания не в силах изменить законы природы. Он может лишь исказить их на короткое время. А наш коллега, как и всякий социальный реформатор, невежда. Особенно когда речь идет о технических подробностях. Важна лишь общая идея. Модель, накарябанная на салфетке, а не нудные вопросы, как и почему это должно работать. Тут у нас конфликт идеи и материи. Пока материя выигрывает.

– И почему они такие отвратительные?

– А потому, – заявил Драккайнен поучающим тоном, прячась за очередной скалой, – что это гребаное заклинание – нечто динамичное, пытается обойти ограничения случайными мутациями. И в конце концов... В конце концов оно натолкнется на подходящую, и сукин сын получит своих драконов. Или не получит...

* * *

Дома были построены из камня, и потому он заметил их лишь через какое-то время: они полностью сливались с фоном. Прямоугольные либо круглые, со стенами, тщательно сложенными из идеально подогнанных кусков скалы. С плоскими крышами; на кривых жердях вились красные и черные флажки. Их не окружала стена, нигде не было видно и стражников. Вот только дома преграждали дорогу на перевал.

– Стен нет, потому что они ощущают себя в безопасности, – проворчал Драккайнен. – Лишь записной кретин полез бы в долину, где рождаются драконы. Нормального человека сюда на аркане не затащишь. Да и не выходит отсюда никто.

На вершине перевала стоял еще один дом; сквозь его узкие окна можно было заметить пламя в очаге. Хуже, что между скалами бродили две приземистых фигуры, похожие на бронированных цыплят. Крабы.

Плохо. Значит, перевал все же охраняется.

– Ладно. Дождемся ночи, – решил Драккайнен. – И мне понадобятся тепловидение и боевой режим. Сейчас же!

– *Kaikenläista, läameri!* – рявкнула Цифраль с чистейшим лапландским акцентом.

– Ты – проекция моего мозга, – терпеливо пояснял Драккайнен. – Если меня убьют, тебя убьют тоже. Понимаешь? Ты существуешь потому, что существую я. Пройти этот перевал, не став пищей драконов, – твоя задача тоже. Пусть меня *kaikenläista*, но тебе лучше бы начать думать.

– Сам начни думать, – крикнула она с плачем. – Думаешь, я не переживаю? Когда я была в тебе, я всегда знала, что делать! Просыпалась и была частью тебя! А сейчас я просыпаюсь так! Сразу снаружи!

– Значит, у нас проблема, – вздохнул Драккайнен. – Серьезная проблема. Пока следует затаиться и ждать ночи.

Он высмотрел подходящее место высоко под скальным козырьком, среди одной из каменных гряд, что окружали долину. Драккайнен ползал там почти час, прилаживая к телу веточки горной сосны. Медленно, сантиметр за сантиметром, от одного укрытия к другому, ранясь о скалы и ощущая, как его покидают силы.

Становилось все холоднее.

Туман делался гуще. Драккайнен трясся так, что думал, будто, несмотря на весь его импровизированный камуфляж, виден из-за трясушки за полкилометра. Когда прошла еще одна вечность, он понял, что его руки и ноги деревенеют. Хуже того, боль начала подниматься изнутри. Казалось, копьё все еще торчит в теле. Он ощущал его тяжесть и горящее болью древко – словно застывшую молнию.

Тогда он ложился и отдыхал, дыша сквозь сжатые зубы, мял на груди импровизированную рубаху.

Чем выше Драккайнен вползал, тем хуже становилось. Когда сердце не колотилось, приходилось растирать внезапно терпнущие руки и ноги, из которых утекала жизнь.

Когда он скорчился в какой-то щели, подтянув замерзающие ноги под себя, пытаясь согреть их теплом собственного тела, он просто угас. Потонул в спокойной черной пустоте.

– Проснись! Не спи! – орала Цифраль прямо ему в ухо. – Не умирай, скотина! Сейчас же перестань умирать!

– Не надрывайся так... – прохрипел Драккайнен, удивляясь, как звучит его голос. Почти не понимал ничего из того, что говорил.

– Давай дальше, ты, проклятый дурак! – кричала феечка. – Двигайся! Уже недалеко!

Вуко поднял тело на колени и локти, выходя в ледяной воздух, стегавший его словно кнут. Издал громкий хрип и пополз – еще один подыхающий дракон.

Когда добрался до скального навеса, почти ничего не чувствовал.

И не помнил, как сюда добрался. Помнил только, что начал сыпаться снег. Мелкий, колючий, он сек горизонтально, несомый ветром.

– Могло быть и хуже, – еле слышно просопел Вуко. – Например, мог пойти дождь.

А потом остался лишь ледяной холод и снег. На последних метрах он даже не забивал себе голову ползаньем. Все равно его никто бы не заметил.

– Не сюда! – упрямо кричала Цифраль. – Отсюда тебя увидят, дурень! Нет, не туда, там замерзнешь! Под ту скалу! Там – пещера! И она заслонена от ветра! Двигайся! Перестань подыхать! Ну же! Что, не можешь? *Piczku materinu*, двигайся!

В так называемой пещере было метра полтора высоты и два глубины, но, по крайней мере, она защищала от ветра. Драккайнен вполз туда, волоча за собой две ветки горной сосны, привязанные к спине ремнем от баклаги и вторым – из тряпок. Третью ветку он потерял на склоне. Он вполз в яму, слыша собственные хриплые стоны, похожие на плач, после чего бесильно повалился на скалу.

В глубине, под стеной, сочилась вода. Он пополз туда и, прижав губы к камню, всосал немного ледяной жидкости, будто поцеловал камень. Сумел слизать несколько глотков, а потом повалился на пол.

– Не спи, дурак! – металась над ним Цифраль. – Зенки открой! Подними веки, давай!

Веки весили килограмм по двадцать. Он не мог их поднять, хоть и старался. Наконец ему это удалось, но с усилием, от которого затрещал череп. В этом не было смысла, потому что глаза все равно закатывались.

– Дай мне спокойно умереть, – застонал он, сминая рубаху на груди.

– Высекай огонь!

– Нельзя... Увидят...

– Да хрен там увидят в такую-то метель! Отломи немного веточек! И хвою! Больше!

Это напоминало кошмарный сон. Картинка расплывалась, пальцы словно вырезаны из дерева. Сперва он не мог отыскать кремень. Потом не мог вспомнить, что с ним делать. Наконец сумел собраться с силами на минуту-другую. Состругал немного древесины, чуть не отрезав себе пальцы, положил на стружки хвою и сухие просмоленные ветки. Несколько раз ударил ножом, высекая пучки пахнущих порохом искр.

И заснул, убаюканный воем ветра.

– Невероятно! – орала Цифраль. – Да высекай же огонь! Что за хрен? Еще раз! На топку их, а не на стену! Дуй! Дуй на них, а не кашляй, дурак, а не то погасишь! Дуй!

– Смотри, чтобы я тебе сейчас не вдул... – захрипел Драккайнен.

– Ага, я ведь ровнехонько твоего размера! – засмеялась феечка. – Ну, дуй, а не то мы оба тут подохнем!

Пара искорок на миг вспыхнули, но сразу погасли. Потом вспыхнули снова. Поднялась тоненькая струйка дыма.

А затем блеснул огонек.

– Подкладывай! Да не столько, это тебе не барана печь!

Мелкие веточки загорелись сразу, темные внутренности пещеры осветились теплым, желтым пламенем.

– Ладно, а теперь – раздевайся! Без шуточек, просто снимай эти мокрые тряпки! Иисусе, да подними же ты свою дурную башку! Заслони вход плащом! Не так, прижми сверху камнем!

И вторую сторону! Не сдвигай это, упадет! А теперь раскрой нож. Ну что ты тарачишься? В рукояти у тебя есть подогреватель, а от двух веток не согреешься!

Он снова заставил работать одеревеневшие пальцы. Найти защелку и разложить массивную рукоять казалось превосходящим человеческие возможности.

Кто его спроектировал?

Грелка была металлической баночкой, выложенной керамикой, которая скрывала угольный штифт.

Цифраль кричала на него, ругала и плакала от злости, пока Драккайнелу наконец не удалось выщелкнуть грелку, выковырять из нее палочку прессованного угля и приложить к пляшущим на миниатюрном костерке язычкам пламени. Он подул на жар, позволяя маленьким шипящим искоркам охватить кончик вкладыша. Появилась яркая горящая точка, потом – обводка из серого пепла. Он закрыл вкладыш внутри грелки и некоторое время баюкал его в ладонях, чувствуя, как постепенно нагревается поверхность, а в пальцы болезненно возвращается жизнь. Драккайнел разместил грелку в районе солнечного сплетения, прижал ремнем. Подбросил еще несколько кусочков древесины потолще, лег на том, что осталось, и свернулся вокруг грелки, горевшей на животе, как маленькое личное солнце.

Снег, несомый ветром, начал засыпать с одной стороны вход в миниатюрную пещерку.

* * *

Он проснулся, когда было уже темно, в полной уверенности, что миновало два часа и сорок минут. От костра осталась кучка пепла, но обогреватель еще был горячим.

Цифраль истекала теплым сиянием, освещая пещеру и хлопающую на ветру полу плаща. Снег до половины засыпал вход, и будто стало теплее.

Драккайнел, трясаясь, надел свою странную рубаху и обернулся килтом. Вещи немного подсохли.

– Слушай, ты светишься...

– Знаю! – рявкнула она.

– Я о том, нормальный ли это свет? Другие тоже видят или только я?

– Не знаю, – она пожала плечиками. Приподняла ладошкой одну светящуюся грудь и критически ее осмотрела, затем облетела крохотную пещеру.

– Я отбрасываю тень, – заявила. – Но это ничего не значит.

– Посвети-ка мне сюда, – ворчливо попросил Вуко, развязывая свой узелок. – Мне бы соорудить какие-нибудь онучи. Эти тапочки начинают разваливаться.

– Как ты себя чувствуешь?

– Хуже, чем выгляжу, – прорычал он. – Я ослаб, да еще больно, как черт знает что. И, кажется, мне никогда не было так холодно. Ну, может, кроме как пару часов назад. Выживу. Пока.

Он собрал чуть теплый уголь, растер в ладонях и измазал выступающие части лица: нос, лоб, скулы и подбородок. Окрутил ноги кусками тряпок и зашнуровал мокасины. Защелкнул клипсу обогревателя на краю килта и зафиксировал его на высоте солнечного сплетения. Сложил и спрятал нож, собрал мелочовку в узелок, после чего осмотрел оба экземпляра трофейного оружия.

– Свекольные ножи, а не оружие, – проворчал зло. – У обоих слишком тяжелая рукоять, потому они так любят ими крутить... *Jebem ti duszu*, как же не хочется работать... Ладно, идем. По траверсу вдоль склона, прямо к левому флангу форта. Девушки вперед. И лучше не отсвечивай.

Набросил влажный плащ, так, чтобы тот сложился в подобие капюшона, и препоясал его. Вьюга продолжалась. Он шел, наклонившись, держа одну руку на скале и пытаясь высмотреть хоть что-то в ревушей, бьющей снегом тьме.

«Просто проскользнуть рядом с фортом, – подумал он. – Что вам за охота торчать во дворе, никто не придет. Холодно, как не знаю где, еще снег... А в комнате – огонь, пиво, ужин, спать тянет».

Поскользнувшись на камнях, он свалился на осыпь. Невысоко, но ударился крепко. Залег за камни и замер, но громыханье камней потонуло в визге ветра. Несколько валунов покатились вдоль склона. Он задержал дыхание, пережидая. Полагал, что до форта еще далеко, но так уж его выучили: если подобное произойдет, нужно притаиться на некоторое время. Ничего не происходило, никто не зажег лампы, вдали не появились факелы, не было слышно ни криков, ни собачьего лая.

Только долина, покрытая белым саваном, чуть сияла отраженным светом.

Цифраль появилась перед его лицом, когда он пересчитывал языком зубы и осматривал раны на локтях и коленях. Уперла руки в бока. Локон волос падал ей на лицо, и она дунула на него нетерпеливо.

– Так и будешь лежать? – спросила.

– Отвали, Барби! Если не помогаешь, по крайней мере, не мешай.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.